

Сексуальный Простудок
Книга II

Влюблен
в
Душу

Бетани Бейзил

Встреча с Эйвери была полной неожиданностью, но именно в ней я и нуждался. Она вновь вселила в меня надежду, заставила чувствовать то, что, как мне казалось, умерло еще десять лет назад.

Я превращаюсь в мужчину, которым был раньше. Того, кто разрушает жизни, лишь бы удержать одного-единственного человека, который значит для него все.

У меня все больше секретов. Я не знаю, как долго смогу хранить их.

Но я сделаю все, чтобы удержать ее.

Есть только один способ сделать это. Я должен позволить ей увидеть того, кем являюсь в глубине души.

В глубине души

Переводчик: Светлана Лоц

Редакторы: Светлана Лоц, с 3 по 7 главы — Оксана Раковец, 13 глава — Ника Светлая.

Обложка — дело рук Евгении Кононовой.

Бета-вычитка: Оксана Раковец и Саша Прохорова.

В книге всего Пролог + 16 глав.

Пролог Ксандер

Уничтоженная любовь, запятнанные воспоминания и разрушившая все трагедия мучают меня во снах. Я бы не назвал их кошмарами. Это кадры о прошлом, которые являются мне во всех красках, как только я перестаю контролировать свой мозг. Каждый раз я вижу все иначе, более опытным взглядом и более зрелым умом. Я думал, что все дерьмо, которое я пережил в 22 года, осталось в прошлом.

Сейчас, когда Эйвери вошла в мою жизнь, я понимаю, что это не имеет ничего общего со зрелостью. То, что я делал тогда и что делаю сейчас, слишком похоже. Моими поступками руководит прошлое, и оно сломает меня и погубит других. Теперь я понимаю, что тогда был незрелым юнцом. Больным ублюдком. Я до сих пор такой. Принимал отчаянные меры, чтобы сохранить в сердце то, чем дорожил. И я не думаю, что терапия Эйвери сможет исправить меня или изменить мое лишенное логики поведение.

Глава 1

«Скользкая дорожка»

Ксандер

— Мистер Пирс, — позвала Габриэлла. Я все же должен пожать руку, которую она мне протянула, и, конечно, сделать вид, что удивлен видеть ее здесь.

Я так и сделал.

— Да, гмм... приятно наконец-то встретиться с тобой... Элли.

— Вы — Ксандер Пирс, не так ли? — она изобразила удивление, будто только что встретила очень известную знаменитость.

— Да.

Она нервно улыбнулась, вытащила свою руку и потянула себя за косичку.

— Я просто собиралась... — она указала в конец коридора. — Извините, что прервала, — договорив, она сразу же прошмыгнула мимо меня, спасаясь бегством. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду, и снова повернулся к Эйвери.

— Значит... Элли? — я указал большим пальцем в ту сторону, куда она ушла.

— Да... — она нахмурилась. — Это было несколько неловко, м?

— Думаю... да.

Неловко — это преуменьшение. Габриэлла пришла сюда, перевернула все вверх дном, встряхнула и оставила меня задаваться вопросом, где были ее мозги, когда она сделала то, что сделала. Не то, чтобы я имел хоть малейшее понятие, где была мои. Я просто знал, что мне надо заставить ее держать язык за зубами.

— Ксандер? — Эйвери потянула меня за руку, выводя из транса.

— А?

— Ты в порядке?

— Да, все хорошо.

Она попятилась назад, потянув меня за собой по коридору. На ее губах играла чувственная улыбка.

— Пошли в постель.

Когда мы дошли до гостиной, она повернулась лицом вперед, не выпуская мою руку. Ее квартира была современной, везде строгие линии и безупречные поверхности. Как и в ее кабинете. Такое чувство, будто все это сошло со страниц журнала. Белоснежные диваны на фоне синевато-серых стен и полов из темного дерева. Только черный коврик, и о никаких ярких цветов. В мире Эйвери существовало только белое или черное, правильное или неправильное. Я не знаю — то, что я собирался сделать, было «белой» ложью или «черной». С одной стороны, рассказав, я сделаю ей больно. Значит, я оберегаю ее. Маленькая «белая» ложь. Но с другой стороны, реальная причина сохранить это в тайне была темной. «Черной». Я не хотел, чтобы она узнала об Элли, потому что я эгоист и не хочу потерять ее. Я надеялся, что она никогда не узнает правду. А даже если и узнает, то, надеюсь, к тому времени она будет слишком сильно привязана ко мне и просто не сможет уйти.

Мы прошли кухню и свернули налево. За гостиной был другой длинный коридор, и мы пошли по нему. Первая дверь была приоткрыта, и оттуда лился мягкий свет. Элли стояла у двери, наблюдая за нами, когда мы проходили мимо. Ну... наблюдала за *мною*.

— Спокойной ночи, Элли, — прошептала Эйвери, не имея ни малейшего понятия, насколько все усложнилось. Элли оперлась о дверь, пристально глядя мне в глаза. И вдруг я

увидел обвинение, подозрение и гневные вспышки в ее темных глазах.

— Спокойной ночи, Эйвери, — сказала она холодным тоном, продолжая смотреть. Она приподняла одну бровь, а потом захлопнула дверь своей комнаты. В эти несколько секунд я понял, что она ждет моего ухода, чтобы поговорить с Эйвери. Я знал, что она изобразит из себя милого ангела, которым воспользовался богатый, настойчивый мудака. А учитывая то, каким образом я вошел в жизнь Эйвери, она поверит ей на сто процентов. Не говоря уже о том, что она считает, будто «солнце встает и садится» с этой девушкой.

Я знал, что должен заткнуть Элли. Понимал, что как только начну лгать, то пойду по скользкой дорожке. Но я бы предпочел рискнуть и все-таки пойти по ней, чем уйти, отказавшись от единственно возможного шанса во всей моей жизни. Я был чертовски уверен, что не покину этот дом, пока не буду знать точно, что Габби ничего мне не испортит.

Закрыв дверь своей комнаты, Эйвери тут же прижала меня к ней. Да, у нас была длинная ночь, но мне надо быть мертвым, чтобы не хотеть трахнуть ее снова — особенно, когда в ее глазах пылает такой огонь. Страсть сделала их еще более притягательными.

Она приблизилась ко мне, поцеловала в шею, пробежалась по ней языком, а затем прикусила кожу прямо под моей челюстью. Быстрым движением она стянула с меня рубашку через верх и, опустив свою голову, засосала мой сосок. Ее язык закружил вокруг него. Затем она прикусила его зубами и потянула. Мой член мгновенно затвердел и потянулся к ней, умоляя о внимании. Она улыбнулась и потянула другой мой сосок, быстро лишая меня рассудка.

Мое сердце катилось по этой скользкой дорожке, и на очереди был мой разум. В моем сердце было то же отчаяние, которое поглотило весь мой рассудок.

Ее пальцы принялись за пряжку моего ремня. Следом расстегнули молнию. Ее мягкие губы двигались вниз до тех пор, пока она не опустилась на колени, и ее лицо оказалось напротив моего паха. Застонав, она укусила меня за бедро, а затем облизала мои яйца. Облизывая меня от самого основания до головки, она все время смотрела на меня теми манящими голубыми глазами. Эйвери засосала толстую головку члена в рот, и, клянусь, ее губы никогда не выглядели более привлекательными, чем с моим членом между ними. Она обхватила своей нежной рукой мой член у основания и вобрала в рот столько, сколько смогла. Затем она сделала заглатывающее движение, из-за чего мое тело невольно толкнулось вперед.

— Блять...

Мои яйца сжимались, пока она сосала так, как никто прежде. Я схватил ее за волосы и отдернул ее голову назад. Она одарила меня полным страсти взглядом и, облизав губы, попыталась продолжить. Но я не предоставил ей возможности сделать это, потому что, честно говоря, было уже достаточно. Я был готов кончить ей в глотку, а весь план состоял в том, чтобы трахнуть ее и уснуть. Она встала, и я снял с нее платье, стащил трусики и опрокинул ее на кровать. Я схватил ее задницу и подтянул к краю. А затем погрузился своим лицом в ее киску.

Она дернулась, когда я засосал ее клитор, упиваясь вкусом.

— Потрогай себя, — потребовал я.

— Ксандер, — захныкала она.

— Сделай это прямо сейчас. Проведи своими пальчиками по клитору и кончи на мой язык. Позволь мне попробовать вкус твоей нужды во мне.

Она двинула рукой между бедер. Ее пальцы медленно раздвинули складки. И она начала кружить ими по клитору. Я скользнул своим языком в нее. Она застонала. Я был таким твердым, а она выглядела настолько чертовски сексуальной, что я мог бы кончить просто наблюдая, как она нежно прикасается к себе. Я то толкался своим языком в нее, то кружил им по клитору, пока она массировала его. Я протянул руку и ущипнул ее за сосок и одновременно с этим засунул свой язык глубоко в ее киску, и она кончила. *Жестко*. Пока она приглушенно кричала, ее киска вибрировала на моем языке. Ее тело извивалось на кровати, мышцы ее бедер были напряжены, и она в это время рвано дышала.

Я не дал ей времени прийти в себя. Ей этого не нужно. Мне хотелось удержать ее на пике наслаждения, поэтому я натянул презерватив и оказался в ней прежде, чем она перестала стонать от мощи своего освобождения.

Она вскрикнула, когда я толкнулся в нее по самые яйца. Ее киска была слишком тугой, сжимая мой член и заставляя меня терять самоконтроль. Я перекинул ее ноги через свои руки и долбил ее. Ее спина изгибалась, толкая вверх грудь с розовыми вершинами. Ее шея выгнулась, пока она выкрикивала мое имя снова и снова. В какой-то момент она попросила меня, чтобы я двигался чуть медленнее, но я уже слишком разошелся. Я растянул ее, полностью поглощенный ощущением ее киски вокруг моего члена. Она впиалась ногтями в мои руки, ее глаза закрылись, и она кончила с безмолвным «О», застывшим на ее губах.

Ее киска, сжимающая мой член, была последней каплей, и я взорвался в ней с такой силой, что меня временно ослепило и парализовало. Мои глаза заволокло дымкой, мышцы напряглись, когда оргазм поглотил и покачнул мое сознание. Я положил голову между ее грудей и в то же время попытался вернуть свою опору. Она провела пальцами по моим волосам, пока мы продолжали вздрагивать каждые несколько секунд, отходя от оргазма. У нее была способность уметь сконцентрировать меня, опустить на землю теми способами, которыми никто не обладал. Также у нее была власть, способная полностью опустошить меня.

Глава 2

«Сокрытие»

Ксандер

Габриэлла проснулась с испуганным воплем, который я быстро заглушил своей рукой. Она изо всех сил боролась с моим захватом, но ее борьба ослабла, когда она увидела мое лицо.

— Тсс... — прижал я палец к своим губам, а затем опустил руку, которую держал на ее губах, и отступил на шаг назад.

Она одарила меня обезумевшим взглядом и покачала головой.

— Что за хрень с тобой?

— Нам нужно поговорить.

— Нет. Не нужно, — она села в кровати и откинулась на спинку с вызывающим выражением лица.

— Не говори ей о нас.

— Она должна знать, — она скрестила руки на груди и усмехнулась.

— Она *не* должна знать. И ты сделаешь, как я говорю.

— Нет. Между нами все кончено, Ксандер. Теперь ты не можешь чпокнуть меня и

сказать, чтобы я убралась нахрен. Здесь... — она обвела комнату рукой, обозначая свою территорию, — я — главная.

Она выглядела такой юной со своими волосами, заплетенными в косички, без стрип-образа. Я не мог поверить, что раньше не увидел, насколько незрелой она была. Она сказала мне, что ей двадцать... шесть. С косметикой и сексуальными волосами она выглядела так, но ее нытье и истерики должны были навести меня на мысль о ее реальном возрасте. Судя по словам Эйвери, она была младше нее.

— Ты солгала мне. Сколько тебе лет?

Она посмотрела на меня и сказала:

— Так же, как и ты лжешь Эйвери.

— Я не лгал Эйвери до тех пор, пока ты не появилась на пороге около часа назад. Я даже не совсем уверен, что лгу ей сейчас. Я просто опустил факты относительно того, что мы с тобой раньше встречались.

Она усмехнулась.

— Если это заставляет тебя чувствовать себя лучше, то... — она пожала плечами, не закончив предложение.

Я скрестил руки и прислонился к стене.

— Я вроде как привык чувствовать себя мудаком, так что это не обременит меня еще больше.

Она сузила глаза и посмотрела на меня с отвращением.

— Зачем ты морочишь ей голову? Тебе что, обязательно трахать всех подряд?

Я выпрямился и вытянул руки.

— Я не просто... Это не просто секс.

— Что? Не лги мне, Ксандер. Сколько раз ты мне писал, потому что тебе нужно было трахнуть? Это то, что ты делаешь, — занимаешься сексом без привязанности. Ты перестал звонить или отвечать на мои сообщения, поэтому я подумала, что ты нашел кого-то другого. Но Эйвери... Она никогда не согласится на такую договоренность. Я дала тебе визитку не для того, чтобы ты смог причинить ей боль. Я думала, что она сможет помочь тебе. Очевидно, что ты еще больший засранец, раз не можешь принять помощь без использования кого-то взамен.

— Я и не делаю этого. Эйвери для меня не просто на один раз. Она...

— Она — что? Я тебе дала ее визитку чуть больше месяца назад. Ты пытаешься сказать мне, что уже питаешь к ней любовь?

Я провел рукой по волосам и уставился на нее. Это было труднее, чем я думал, — признать, что я влюбился в Эйвери, особенно перед Габриэлкой, которая в свое время трахалась со мной. Но она незаменима для Эйвери, и, если выбор все-таки придется делать, Эйвери не задумываясь выберет ее, а не меня.

Наши глаза встретились, и она похоже прочитала в них то, что я хотел сказать, потому что покачала головой и иронично рассмеялась.

— Я тебе не верю, Ксандер.

Меня не волнует, верит она мне или нет.

— Просто не говори ей... — я остановился и с трудом сглотнул. — Пожалуйста.

Она одарила меня удивленным взглядом, потому что умолять было несвойственно для меня.

— И как мне скрыть это от нее?

— Она говорит о тебе восторженно, Габриэлла. Подожди... Габриэлла — твое имя?

— Да, — выдохнула она. — Ты спросил у меня настоящее имя в первую ночь, и я назвала тебе его. Элли — мое уменьшительное имя, которым называет меня Эйвери.

— А на сцене они называют тебя Ангелом, верно?

Она кивнула и отвела взгляд, чувствуя неловкость от того, что я упомянул ее сценическое имя.

— Она знает, что ты танцуешь стриптиз в центре города? Она знает, что ты занимаешься грязными вещичками с незнакомыми мужчинами, которые бросают тебе лишь несколько купюр?

— Это нечестно. Я только с тобой такое делала.

— Почему я?

Она опустила голову и рукой потерла лоб.

— Потому что ты богатый, знаменитый, привлекательный. Половина девочек этим занимается, а другая половина просто забирает свои чаевые и уходит. Я была такой же, пока не появился ты.

— Опять же, почему именно я? И, пожалуйста, не говори мне, что ты по уши влюбилась в меня или что у тебя были чувства ко мне. И без того уже слишком много дерьма.

Она закатила глаза и покачала головой.

— Нет. Я думала, что если и соберусь когда-то переспать с клиентом, то он должен быть кем-то известным. Ты был волнующим и в то же время таким холодным и необщительным. Я реально не могу понять, как тебе удалось обмануть Эйвери, и она не раскусила, какой ты мудака.

— Я ни в чем ее не обманывал, но ты определенно лгала ей. И это тебе не скрыть от нее. Почему ты не сказала ей неделю назад, что трахалась с Ксандером Пирсом? Большинство женщин хвастались этим дерьмом. Но ты? Нет... Ты не хотела, чтобы Эйвери узнала про твой маленький грязный секрет. И как же ты думаешь ей рассказать о нас, не разоблачив себя?

Она отвела взгляд, скрестив руки на груди.

— Мы можем сохранить это между нами и делать вид, что никогда ничего не было. Насколько я понимаю, для Эйвери ты — милая маленькая Элли, и мы с тобой только что познакомились.

Она посмотрела в потолок и покачала головой. Не потому, что не собиралась помалкивать, а больше в знак того, насколько все было погано.

У меня не было другого выбора.

— Мы договорились?

Она посмотрела на меня, а затем неохотно кивнула.

— Ты всегда знала, когда подчиниться.

Судя по пронзительному раздраженному взгляду, брошенному в мою сторону, шутка ей не понравилась.

— Мудака.

Я пожал плечами и попятился к двери.

— Я дала тебе визитку, чтобы она смогла помочь тебе, а не для того, чтобы ты манипулировал ею.

— Ооо, она помогает мне, Элли... Поверь.

Я улыбнулся, закрыв дверь. Она думает, будто я играю с Эйвери в какие-то игры. Но это

не игра. Это история моей жизни — я отчаянно пытаюсь удержать то, что мне не предназначено.

Я скользнул обратно в постель к Эйвери, и она слегка шевельнулась, когда я обнял ее. Я уничтожил все, но как только она уютно примостила свою голову под мой подбородок, и я почувствовал сладкий аромат ее волос, смешанный с запахом секса, которым мы только что занимались, я понял, что сделаю все, только чтобы удержать ее.

Глава 3

«Ночные кошмары»

Ксандер

— *Дай мне уйти, Ксандер!* — кричит она.

— *Нет! Только когда выслушаешь меня.*

— *Что тут еще сказать? Все кончено. Хватит.*

— *Он трахает тебе мозги. Он манипулирует тобой, — в моей груди растет паника.*

Все выпитое мной раннее спиртное угрожает вырваться наружу. Я вспотел, а руки дрожат. Я — гребаная развалина. И все потому, что я теряю ее.

Я сел в постели, прерывисто дыша.

— Это не по-настоящему, — прошептал я сам себе. Мне нужно убедить самого себя, что меня там уже нет, что все давно закончилось. То, что произошло много лет назад, не должно казаться настолько реальным.

— Эй, — моего бицепса коснулась рука.

Я моргнул в темноте и прошептал:

— Джессика?

— Что? Нет. Кто такая Джессика?

Эйвери.

— Ксандер?

— Никто. Не бери в голову.

Мы легли обратно. Она поднырнула под мою руку и положила голову на грудь. Это именно то, что мне было нужно. Мне нельзя спать. Я бы мог бодрствовать всю гребаную ночь, даже если бы просто держал ее в объятиях. Прошла неделя с тех пор, как я узнал, кем на самом деле была Габриэлла, мы с ней пришли к соглашению, и я уверен, что она собирается держать язык за зубами.

Эйвери елозит и постукивает своими пальчиками по моей груди. Пройдет немного времени, прежде чем психолог в ней возьмет верх, и она начнет пытаться анализировать мои сны.

Я убрал свою руку из-под нее и сел, спрятав лицо в ладонях и глубоко вздохнув.

— Хочу пробежаться.

Я встал и начал натягивать свою одежду для пробежки. Услышал, как она слезла с кровати, но попытался проигнорировать ее, когда она встала рядом со мной. Расстояние между нами временно приостановило бы пытку, потому что я знаю: она уже готова начать ее.

— Два часа ночи.

Я пожал плечами.

— Я делаю это в любое время. Пробежка очищает мозги и помогает усилить истощение.

— Я иду с тобой, — она подошла к своей сумке с вещами, которая находилась у меня в комнате, и начала рыться в ней.

— Ты не пойдешь.

— Почему нет? — она повернулась с шортами для бега в руке.

— Потому что сейчас два часа ночи. Ложись спать.

— Ты хочешь сказать, что не сможешь ночью защитить меня от незнакомца?

— Может быть, я и есть тот незнакомец, в защите от которого ты нуждаешься, — я посмотрел на нее через плечо.

Она резко выдохнула, раздражаясь.

— Я рискну.

Обычно я бегаю по тропинке в лесу за домом, но, так как она настояла на совместной пробежке, мы вышли через переднюю дверь и побежали по обочине дороги. Удивительно, но она держалась и не пыталась завести со мной разговор.

Однако спустя два часа, после того как мы приняли душ и съели ранний завтрак, она все же нарушила молчание.

— Я могла бы записать тебя на сеанс к Мэттью.

Я замер со стаканом апельсинового сока у рта и взглянул на нее.

— Ты ведь это несерьезно?

— Почему нет? — она прислонилась бедром к стойке рядом со мной, пока я ставил свой стакан.

— Я не откроюсь твоему бывшему парню, — поморщился при мысли об этом.

— Он мой друг и профессионал своего дела, — она коснулась моего бицепса и приподняла бровь.

Я бросил на нее взгляд, который говорил: *"Черта с два я буду откровенничать с парнем, который тебя трахал"*.

— Тебе нужно с кем-то поговорить, Ксандер, — она фыркнула, явно раздраженная моей неспособностью открыться.

Я прислонился спиной к стойке и скрестил руки, встречая ее полный решительности взгляд.

— Это должна быть ты.

— Ксандер... — она скептически на меня посмотрела.

— Ты хочешь, чтобы я открылся и рассказал тебе о своем прошлом, не так ли? — я поднял брови, ожидая ответа.

— Но я не могу быть твоим психотерапевтом. Мы можем поговорить об этом только как пара, — она покачала головой, пробежав пальцами по краю стойки.

— Можешь. Я снова начну приходить к тебе в офис, и мы будем делать вид, что не трахаемся по ночам.

В ее кабинете я сделаю вид, что не напуган тем, что могу потерять ее. Там я смогу надеяться, что, надев свою «шляпу» психолога, она будет беспристрастной.

— Прекрасно. Я выброшу свой профессионализм прямо в окно. Мы оба знаем, что ты не будешь так себя вести.

— Есть только один способ выяснить это. В любом случае, такой опыт доставит тебе удовольствие, — я бесстыдно усмехнулся.

— Какой *такой*? — она улыбнулась, потому что знала, что именно я имел в виду. Но если ей нужно это разжевать...

— Потому что ты получишь возможность взяться за дело и выяснить, что же беспокоит меня по ночам.

Ее улыбка стала еще шире.

— Ты прав. И я одержу верх.

— Мне нравится, когда ты сверху.

Я притянул ее к себе. Она обняла меня за талию, и я положил свой подбородок на ее макушку.

— Приходи в офис, — сказала она серьезно. — Когда будешь готов.

Я кивнул, и мы еще долго стояли, сжимая друг друга в объятиях, потому что кое-что изменилось. Я пообещал открыться ей, но все еще боялся, что она сбежит от меня, как только узнает слишком много.

Глава 4

«Остаться»

Эйвери

Ксандер тянет время.

Прошла неделя с тех пор, как он согласился приехать ко мне в офис, но все еще ничего не предпринял, чтобы появиться там. Кошмаров меньше не стало. Он постоянно просыпается в холодном поту или зависает во сне, взывая к кому-то по имени Джессика.

Я пытаюсь быть терпеливой, но как его психотерапевт беспокоюсь за него. А как его любовница, я хочу обнять его и сделать так, чтобы все это поскорее закончилось.

Я наблюдаю за ним, пока он прислонился к подоконнику, глядя в ночь. В комнате темно, но луна освещает его красивые утомленные черты. Он проводит рукой по волосам. Я не могу не восхищаться его обнаженной красотой, даже в измученном состоянии. Он похож на темного ангела, стоящего в небесном луче света. Его внутреннее смятение — это пятно на его душе. Если он не откроется в ближайшее время, то это пятно продолжит расти и испортит его.

— Ксандер?

Он вздрогнул, мышцы на его спине напряглись, после чего он посмотрел на меня через плечо, но потом снова повернулся к темноте.

— Ты не должна нянчиться со мной, как с ребенком. Ложись спать.

— Я не нянчусь с тобой.

За последние несколько недель я привыкла не спать долгие часы вместе с Ксандером. Я не пыталась быть его надзирателем, но меня злило то, что я не могла ему помочь. Его бессонница была хуже, чем я ожидала.

Мы часто ложились и разговаривали друг с другом или смотрели фильм до тех пор, пока мои глаза не начинали гореть от недосыпа.

Он не хотел, чтобы я жертвовала своим отдыхом ради него, но, если я и хотела прекратить это, просто не могла. Я хотела помочь ему.

Ксандер повернулся и медленно подошел к кровати. Я встала на колени и потянулась к нему, чтобы взять его лицо в свои руки.

— Ты можешь открыть мне свои тайны. Здесь. В темноте, где они преследуют тебя.

Я медленно провела рукой по его челюсти. Исповедоваться всегда легче ночью, когда мы можем чувствовать себя окутанными ее темнотой. Он прислонился своим лбом к моему, его печальные зеленые глаза умоляли не давить на него.

— Мы можем сделать это в понедельник?

— Ксандер... — я не верила, что он откроется. Я даже не верила, что он появится в моем кабинете. Он придумает какой-нибудь новый способ уклониться и удержать запертой в прочном сейфе каждую свою тайну.

— Я обещаю тебе.

Он поцеловал меня. Это было первое обещание, которое он мне дал, поэтому я понимала, что он сделал это обдуманно. Он прервал поцелуй, протянул руку и схватил презерватив с прикроватной тумбочки. Он снова настойчиво поцеловал меня, его язык погружался в мой рот, заставляя меня стонать.

Матрас прогнулся, когда он взобрался на кровать, принуждая меня лечь на спину и раздвигая мои бедра. И вонзился в меня без предупреждения. Он не пытался заниматься со мной любовью. Он жестко совокуплялся со мной, брал меня, как одержимый, и я хотела быть единственной, кто сводит его с ума в этот момент.

Я не собиралась обманываться, думая, что достаточно сильная, чтобы заставить его признаться в том, в чем он не признавался.

Он позволил мне перевернуть его и взять под контроль его удовольствие. Я оседлала его бедра, опускаясь вниз и позволяя его члену скользить глубже, туда, где он был мне так нужен. Я объезжала его, покачивая бедрами, нанизываясь на его толстый стержень. Я вспотела и стала очень мокрой. Я скакала на нем жестче. Он дрожал, его член пульсировал внутри меня.

Он вцепился в простыни, натягивая их так сильно, что я подумала, что они порвутся. Его глаза закатились, толстые вены выступили на его вытянутой шее. Я могла бы кончить, лишь наблюдая за его реакцией на меня. Мне было знакомо это чувство, я любила те моменты, когда он заставлял меня чувствовать себя так.

Покачивая своими бедрами, я наклонилась и укусила его за то место, где шея переходит в плечо. Его бедра дернулись вверх, когда он закричал:

— Охереть!

Каждая его мышца подтянулась и напряглась. Его губы приоткрылись, короткие звуки потрясения вырвались из него. Я почувствовала, как его член дернулся, потом запульсировал в презервативе, заполняя его горячей жидкостью, что только усилило огонь во мне. Я начала двигаться быстрее, вращая бедрами и касаясь своим клитором его таза. Его руки грубо схватили мою задницу, одновременно подстраиваясь под меня, звучно натягивая меня на жесткий член. Через несколько секунд я резко упала, кончая так сильно, что мое тело задрожало от восторга.

Он держал меня, лаская мою кожу и проводя пальцами по моим волосам, пока мои веки не отяжелели и я не начала засыпать. Задремав, я вдруг осознала, что он использовал свой член, чтобы уложить *меня* спать и заставить меня прекратить беспокоиться о нем.

~*~*~

Мы проснулись в середине дня. Ну, я проснулась в середине дня. Ксандера в постели уже не было.

Я почистила зубы, набросила рубашку, надела трусики и пошла его искать. Запах яиц и бекона, доносившийся с другого конца коридора, заставил мой желудок заурчать.

Я нашла Ксандера в кухне. Он стоял спиной ко мне, так что я несколько минут любовалась его передвижениями в черных боксерах. Я смотрела на его четко очерченную спину, упругий зад, мускулистые бедра и даже на его босые ноги. И вдруг завтрак, который он готовил, стал не единственной вещью, которую мне захотелось.

Я подошла к нему сзади и провела рукой по его бокам и животу. Мышцы напряглись под моими пальцами, когда я направила свою руку ниже.

— И тебе доброе утро, — я практически могла видеть улыбку на его лице. Прислонившись лбом к его спине, я вдохнула его запах, а моя рука накрыла его растущую эрекцию. — Разве никто не учил тебя не играть с опасным оружием? — пошутил он.

— Но мне нравится быть наказанной.

Он развернулся и, обняв меня за талию, наклонился, чтобы укусить мою губу.

— Иди садись и ешь свой завтрак, пока он не остыл, — я надула губы, а он покачал головой. — Если ты будешь хорошей девочкой, то я отведу тебя в душ после завтрака и хорошенько... жестко... оттрахаю, — он осыпал мою шею поцелуями между словами, заставляя меня трепетать.

От этого я точно не отказалась бы, поэтому сделала, как он просил. Мы принялись за еду, и в этот момент в дверном проеме появилась Элли. Она замешкалась, когда заметила, что мы сидим за столом. Элли и до этого была странной, но теперь, когда Ксандер появился в моей жизни, она казалась еще более отдаленной. Может быть, она не привыкла к тому, что у меня кто-то есть, или из-за его известности.

— Привет, Элли, — я помахала ей рукой, когда она бросила свою сумку на диван.

— Привет, — пробормотала она.

— Позавтракай с нами.

Она переводила взгляд с меня на Ксандера, и я была уверена, что она откажется, поэтому вскочила на ноги и, схватив ее за руку, потянула к стулу. Она нахмурилась. Ксандер уткнулся в свою тарелку и, казалось, не замечал возникшего между нами напряжения.

— Ты просто так пришла? — спросила я, ставя тарелку перед ней.

Она кивнула.

Ксандер едва поднял глаза. А Элли то ковыряла свою еду в тарелке, то играла в игрушку на своем телефоне.

А я? Я была обескуражена.

Почему так сложно заставить их завязать разговор?

Прежде чем мне удалось хоть что-то съесть, я услышала, как в другой комнате зазвонил мой телефон. Я побежала по коридору, чтобы ответить на звонок. У меня наметилась экстренная консультация в больнице, так что я заскочила в душ, оделась и менее чем через пять минут была уже полностью готова. Когда я вернулась в кухню, Ксандер, сбитый с толку, посмотрел на меня. Мы же, в конце концов, планировали рандеву в душе.

— Я должна сбежать в больницу на часок.

— Хорошо, — сказал он, вставая со своего места и хватая тарелку. — Я только заеду к себе и...

— Нет, — я посмотрела на него, поднимая брови. — Оставайся здесь.

У нас были планы на сегодня, и я не хотела, чтобы он сбежал из-за того, что мне

необходимо отлучиться на час. Я знала, что он хотел со мной поспорить, но в итоге он просто кивнул, и я приготовилась выходить.

Но сначала я уговорила его сводить меня в кино, чтобы посмотреть фильм, который он продюсировал почти два года назад и который сейчас вышел в прокат. Конечно, это означало, что мы должны находиться там инкогнито. Он постоянно носил кепку и солнцезащитные очки. Мы придем туда, когда начнется показ киноанонсов и будет уже темно.

Мне хотелось, чтобы он чувствовал себя как дома. Он едва ли обмолвился с Элли парой слов с тех пор, как они познакомились. В случае если между нами что-то получится, им придется привыкать друг к другу, и это для них была прекрасная возможность немного пообщаться.

Ксандер

Оставайся.

Это выглядело, как самая простая просьба, но как только дверь закрылась, я понял, что должен был настоять на том, чтобы уехать.

Элли посмотрела на меня, взяла свою тарелку и сунула ее в посудомоечную машину.

— Мне надо уходить, — проворчала она.

— Ты не должна сбегать.

Она резко обернулась и нахмурилась.

— Я не бегу. У меня сегодня семинар. Позже я пойду на *работу*.

Она сделала акцент на последнем слове, будто пыталась напомнить мне, где мы встретились.

— Ты должна уволиться.

— Кем ты, бл*дь, себя считаешь? Ты приходишь сюда и через шесть недель превращаешь Эйвери в совершенно другого человека. Теперь ты пытаешься указывать мне, что я должна делать, — она размахивала руками с раскрасневшимся от гнева лицом.

— Я не указываю, что тебе делать. Я думаю, ты понимаешь, как она будет разочарована, если узнает.

— Для тебя важнее всего не причинять ей боль, верно? — она скрестила руки на груди.

— Знаешь что? Делай, что хочешь. Она любит тебя. Она посвятила всю *свою* жизнь для того, чтобы *твоя* была прекрасной, и ты хочешь испортить все это, раздеваясь в стриптиз-баре и трахаясь с незнакомыми мужиками, когда у тебя нет необходимости это делать?

— Я же сказала тебе, что не сплю с клиентами. И ты не имеешь ни малейшего права судить меня, при том что сам принимал активное участие в этом, — она свирепо посмотрела на меня.

— Но я остановился. Когда ты собираешься прекратить делать то, что может причинить ей боль? Ты можешь быть лучше, выше этого.

— Ты меня не знаешь! — она покачала головой в раздражении.

— Я знаю то, что ты лучше половины людей, находящихся в твоей жизни. Она говорит о тебе каждый день. Она хочет мира для тебя.

— Пошел ты, Ксандер. Просто держись подальше от моей жизни. Бррр... Я жалею, что когда-то дала тебе эту визитку.

Она ушла в свою комнату, с громким стуком хлопнув дверью.

Просто остаться и постараться быть милым — таким, я уверен, и был замысел Эйвери.

Глава 5

«Давай поиграем в доктора»

Ксандер

— Мне нужна помощь, — я облизнул губы и улыбнулся Эйвери, потому что знал, что у нее слабость к моим ямочкам на щеках.

— Какая именно? — она нахмурила брови, глядя на меня поверх своих очков.

— У меня одержимость одной сексуальной докторшей, которая стягивает свои волосы в тугой пучок, но при этом носит сексуальные подвязки и ужасно неприличное нижнее белье.

— Ну, мистер Пирс, похоже, вам необходимо лечение.

Эйвери обошла стол и оперлась попкой о его край, сняла свои очки и пристально осмотрела меня.

— Это все очень серьезно, доктор Шоу. Мои пальцы трясутся от желания распустить ее волосы, мой рот наполняется слюной от ее запаха, а член становится очень... твердым.

Она шагнула вперед, прикусив нижнюю губу, наклонилась и погладила мой член через ткань штанов.

— Не только твердым, но еще и достаточно накаленным.

— Чем вы можете мне помочь, доктор?

Она улыбнулась. Ленивой, знойной улыбкой. После чего расстегнула мой ремень, молнию на брюках и высвободила мой член.

— Возможно, я смогу остудить его, — она схватила в ладонь мои яйца и начала массировать их, а ее губы были прямо напротив моих. — С помощью своего рта, — прошептала она прямо мне в губы.

Я зашипел.

Она опустила на колени, посмотрела на меня снизу вверх, а потом обвела языком головку члена. Я вздрогнул, держась изо всех сил, чтобы не кончить прямо сейчас. Она поласкала основание, а потом скользнула своим языком в щель.

Ооо... черт. Она собирается убить меня. У меня были сотни минетов, но я никогда не чувствовал ничего подобного.

Как только ее рот оказывался на моем члене, такое понятие, как простой минет, прекращало существовать. Это было больше похоже на взрыв удовольствия, прилив ощущений, а затем на серию толчков, как после землетрясения.

Ее рот работал быстро и жестко. Я зарылся пальцами в ее волосы и удерживал, так как единственный способ, с помощью которого я смогу пережить это — взять быка за рога и контролировать его. Она взглянула на меня, пытаюсь уговорить своими голубыми глазами позволить ей свести меня с ума.

Да пошло оно. Если уж я собирался излить ей сегодня свою душу, то буду наслаждаться этим моментом.

Я начал двигать ее головой вверх и вниз по своему члену, ее губы были мягкими, а рот — горячим. Она облизывала мою головку каждый раз, когда я поднимал ее голову, и втягивала меня почти до основания, когда я толкал ее вниз.

Она слишком хороша в этом. И я скоро взорвусь.

В следующий раз, когда я потянул ее вверх, она облизала мой член и шаловливо

улыбнулась. Потом всосала его в рот и покружила языком, снова всосала и снова покружила. Я, блядь, всхлипнул, затем вздрогнул и зарычал. Я был зол из-за того, что она снова одержала победу. Она не собиралась позволить мне остановить ее. Я кончил в горячем порыве удовольствия, которое пронеслось сверху вниз по моей спине, и "выстрелил" ей в рот.

Она проглотила все. Я так думаю. Мои мысли закружились в водовороте, я не мог сосредоточиться и на большей части того, что происходило после взрыва оргазма.

Она села ко мне на колени и поцеловала. Да... она проглотила все, потому что мой вкус был на ее губах. Она обнимала меня, пока мое дыхание не выровнялось. Потом она встала и засунула мой член обратно в штаны.

— Ксандер, — сказала она, отталкивая мою руку, когда я попытался провести ею по ее бедру. — Я знаю, что ты тянешь время, — выражение ее лица мигом привело меня в чувство. За несколько коротких минут сексуальная атмосфера со звуками стонов исчезла, и комнату заполнила напряженность. — Мы решили встретиться здесь, потому что ты сказал, что отнесешься к этому серьезно.

— То, что здесь только что произошло, было серьезно, как, например, и трах, — я усмехнулся, пытаясь разрядить серьезную атмосферу, которая сгустилась вокруг нас.

Она нахмурилась.

— Ладно, — я раздраженно выдохнул. — Но прежде чем мы продолжим, я хочу отметить, что все мои отношения никогда не складывались удачно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду то, что я подавляю и манипулирую. Я начинаю изводить женщину, когда что-то к ней чувствую.

— Не беспокойся об этом. Я просто хочу понять, кто ты под всей этой фигней. Кто скрывается под маской мудака?

Я не знал, с чего мне начать. Какие правильные слова подобрать? Я был уверен, что из-за моей нервозности я сформулирую свое признание самым наихудшим из всех возможных способов.

— Ты хочешь знать, кто я? Под всем этим... Я человек, который убил свою жену.

Глава 6

«Обнажая душу»

Эйвери

Я человек, который убил свою жену. Слова кружили в моей голове. Жена? Убил?

Как профессионалу, мне следовало знать, какие вопросы задать и что сказать, но как женщина, чье сердце стояло на кону, я была просто в шоке от услышанного.

— Я не совсем правильно выразился. Произошла автомобильная авария.

Я шумно выдохнула от облегчения.

Иисус. Лучше бы он начал именно с этого, чтобы за одну короткую минуту мне не пришлось представлять с десятков различных сцен убийства.

— Я встретил ее, когда учился на первом курсе колледжа. Мы сразу нашли общий язык. На протяжении месяца мы были неразлучны, и я быстро утратил самоконтроль. Резко. Именно это пугает меня больше всего в наших с тобой отношениях.

Неужели он хочет сказать, что влюбился в меня? Это именно та область, которую мы

еще не затрагивали, так как на сегодняшний момент у нас были гораздо более важные проблемы, о которых стоило беспокоиться.

— Из-за нашего возраста мы просто жили вместе. Но когда стали старше, то поженились.

Мне хотелось многое узнать у него об этом бурном романе, но теперь, когда шлюзы были открыты и я плавала в море прошлого Ксандера, я не была готова выйти из воды. Любое мое вмешательство в рассказ могло побудить его снова закрыться от меня.

— Она была провинциальной девушкой из небольшого городка с шальной искоркой, которая вспыхнула, как только она попала в колледж. Она не рассказывала о своей семье, пока мы не поженились, из-за того, что ее мама была наркоманкой, а отец исчез, когда ей было десять. Когда я привел ее домой познакомиться с моими родителями, они были милы с ней, но в их взгляде читалась какая-то настороженность. Они были недовольны моим решением жениться на ней. Но я ни разу, с самого первого курса, не приходил домой к ним без нее. А она, в свою очередь, всегда была с ними любезна. Я никак не мог понять, что в ней было такого, что мои родители так к ней относились, — он нервно поерзал в своем кресле. — Мой отец признался мне, что ему кажется, будто она использует меня. Я думал, он сошел с ума и просто излишне опекает меня. Это к тому, что я был начинающим актером, живущим отдельно от своих родителей. Само собой, я вел довольно роскошный образ жизни с целевым фондом, который мне оставили бабушка с дедушкой. И я отмахивался от его предостережений, потому что любил ее.

Его молчание было жутким. Даже мрачным. Выражение его лица стало скрытным, но неловкость была очевидной, так как он с угрюмым видом начал крутить кольцо на указательном пальце.

— Как-то в ноябре мы приехали к родителям на пару недель. В те времена я проводил в общей сложности где-то около двух месяцев здесь, каждый раз по две недели. В конце второй недели я всегда встречался со своими школьными друзьями. Но в тот раз я плохо себя чувствовал. Поэтому, посидев с час в баре, решил пойти домой и провести остаток ночи с Джессикой. Но когда я вернулся домой, то понял, что у нее уже были свои планы. И состояли они в том, чтобы трахаться с моим братом.

Я нахмурила брови и старалась не реагировать. *Простите — что?* Выражение лица Ксандера ожесточилось, челюсти сжались, но он продолжил.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— После этого вся ночь превратилась в серию вспышек безумия. Йен и я подрались. Избив его до потери сознания, я вернулся в бар. Помню, как пил. Много. Затем появились таблетки, которые мне дал один из моих друзей. К тому времени, как я вернулся домой, из-за алкоголя и этих таблеток я просто обезумел. Йен куда-то делся. Джессика и я спорили. Она сказала, что устала быть со мной. Что я слишком дотошный, что я держусь за какую-то призрачную мечту стать актером. Она дала мне понять, что я абсолютное дерьмо, а вот мой брат — олицетворение успеха в семье, — он печально улыбнулся. — Она была бы в шоке, увидев, как в итоге все обернулось.

Он вздохнул, а затем откинул голову на спинку кресла.

— Тебе не обязательно продолжать. Мы можем поговорить об этом в другой день.

Я не настолько забыла о том, чему меня учили как психолога, чтобы не увидеть, как нелегко ему было рассказывать об этом. Он продолжал нервно ерзать в своем кресле и едва ли встречался со мной глазами.

— Нет, необходимо сделать это именно сегодня, — он выпрямился и, казалось, стряхнул с себя всю неловкость. — Я сказал ей, что мы уезжаем, что как только мы вернемся обратно в Калифорнию, она поймет, что Йен обманул ее и что она должна быть со мной, — он фыркнул и покачал головой. — Я не знаю, было ли это пьяным бредом или я в самом деле заблуждался. Я, перекинув ее через плечо, отнес ее к машине, не обращая внимания на ее борьбу. Она пыталась открыть дверь изнутри, чтобы выйти, но я не дал ей этого сделать, заблокировав их с помощью брелока от ключей. Как только я набрал скорость, она разозлилась. И весь ее вид будто говорил: «Мне уже это надоело, и я собираюсь во всем признаться».

— Понимаешь, люди не всегда говорят то, что думают, когда сердиты, Ксандер, — я говорила успокаивающим голосом, голосом психотерапевта.

— Ооо, она именно это и думала. Она рассказала мне, что они с моим братом делали это прямо у меня за спиной на протяжении трех лет. Всякий раз, когда он приезжал в город и оставался у меня или когда мы приезжали погостить домой, они были вместе. Ей нужен был человек с амбициями. Йен был старше, с дипломом юриста и в то время собирался пойти по папиным стопам.

Он замолчал и уставился в окно. Я сократила расстояние между нами, сев на журнальный столик перед ним, и взяла его руки в свои. Он посмотрел на меня, когда я к нему прикоснулась, и, казалось, очнулся от воспоминаний, в которых он молча пребывал.

— Я помню, как мои руки дрожали и потели, как в жару в середине лета, хотя приближалась уже зима. Шел дождь, а я несся, будто в конце дороги меня ожидало какое-то «долго и счастливо», — он покачал головой и снова повернулся к окну, крепко зажмурил глаза.

— Что произошло, Ксандер? — я сжала его руки.

— Она сказала, что вышла замуж не за того брата. И что она уходит от меня, — когда он повернулся ко мне, его обычно смуглое лицо было пепельно-серым. Он посмотрел мне в глаза, но при этом его взгляд был очень далеким. — Мне просто снесло крышу, Эйвери. Я продолжал говорить ей, что люблю ее, что изменюсь. Я был таким чертовски жалким, таким слабаком. Именно это пугает меня больше всего в том, что происходит у нас с тобой. Я не хочу снова быть таким.

Я подняла руку и прикоснулась к его лицу. Он прижался к моей ладони, но потом отпрянул и откинулся на спинку кресла.

— Я помню, как давил на газ, не обращая внимания на свои дрожащие руки и головокружение. Она кричала мне, чтобы я снизил скорость, выпустил ее, но я игнорировал эти крики. Я был твердо настроен поскорее уехать из Вашингтона и сохранить то, что осталось от наших отношений. Если бы я не был пьян, то понял бы, что ничего не осталось. Я гнался за надеждой по бесконечной темной дороге. Наверное, я ехал со скоростью больше ста миль в час (прим. перев. — сто миль = 160 км). Она кричала: «Сбавь скорость, Ксандер. Ты нас убьешь!», — он покачал головой, его губы плотно сжались. Он наклонился вперед, оперся локтями о колени и низко опустил голову.

— Знаешь, что я ответил ей? — спросил он тихим голосом, не глядя на меня.

— Что, Ксандер? — в тревоге я переплела наши пальцы вместе.

Он глубоко вздохнул и поднял голову, встретившись со мной взглядом, его глаза были полны раскаяния и вины.

— Я посмотрел ей в глаза и сказал: «Я бы предпочел, чтобы мы оба умерли, нежели ты

уйдешь от меня к Йену.».

Боже... Мое сердце сжалось, потому что я знаю, чем это закончилось.

— Ты не это имел в виду, — я энергично покачала головой.

— Откуда ты знаешь? Каждый раз, когда я возвращаюсь к этому моменту и вспоминаю все, что было до него, я знаю, что имел в виду.

— Что ты сделал? — мой тон был угрожающим.

— Ничего. Я наблюдал, как злость на ее лице сменилась ужасом. Она закричала на меня, чтобы я следил за дорогой, но к тому времени, когда мое внимание вернулось к ней, было уже слишком поздно. Я вывернул на встречу. Одно мгновение я смотрел в лицо Джессики, а в следующее — машина во что-то врезалась и перевернулась.

— О, господи.

Выдержка покинула его. Плечи поникли, голова свисала еще сильнее, а дыхание участилось.

— Ты в порядке? — спросила я после нескольких минут напряженного молчания. Я протянула руку, чтобы прикоснуться к его руке, но он вздрогнул и отстранился.

— Я потерял сознание, — продолжил он. — А когда пришел в себя, то увидел, что из приборной панели и из-под педалей появлялось пламя. Джессика не очнулась, поэтому я попытался привести ее в чувства, но она не реагировала. Я схватился за дверь, толкнул ее, но та не сдвинулась с места. Я пытался расстегнуть ее ремень безопасности, но его заело. Я помню, как выкрикивал «Мне очень жаль, мне очень жаль...» снова и снова. Наконец-то она смогла открыть глаза, и я понял, что все будет в порядке. Она жива, я смогу ее вытащить.

Он вздохнул и покачал головой.

— Удивительно, как быстро трезвеешь, когда происходит что-нибудь трагическое, — он фыркнул. — Кто-то распахнул мою дверь и попытался вытащить меня. Я умолял их, чтобы они вытащили в первую очередь ее, но они сказали, что им сначала надо вытащить меня. Машина перевернулась и приземлилась на сторону пассажира. Ее единственный выход был через дверь водителя, — он провел рукой по волосам и посмотрел на меня покрасневшими, полными непролитых слез глазами.

— Они так и не вытащили ее, — сказала я, потому что знала это.

— Я едва успел выбраться из машины. Она взорвалась, отбросив меня и человека, который пытался мне помочь, на несколько футов от нее.

О, боже... Ожоги на ногах... Я никогда не спрашивала его о шрамах на икрах, но понимала, что это было как-то связано с кошмарами.

— И когда я сказал, что убил свою жену, то имел в виду именно это, в буквальном смысле. Я убил свою жену, Эйвери. Я не могу считать это несчастным случаем.

Глава 7

«Братская 'любовь'»

Эйвери

Ксандер и я на том и закончили наш сеанс. Он достаточно открылся, и я не хотела подталкивать его дальше. Мы поехали к нему домой и договорились не затрагивать эту тему до очередного сеанса, который запланирован на следующую неделю.

Прошло три дня с момента признания Ксандера, а я все еще не знала, как на него реагировать. Казалось, что, помогая ему жить дальше, я не позволяю себе тщательно

обдумать, насколько серьезную ошибку он совершил.

— Доктор Шоу?

— Да, Анжела, — я закрыла папку, положила ее поверх другой и подняла их со стола, чтобы убрать.

— Тут Йен Пирс, он хочет увидеться с вами.

Моя рука застыла, когда я укладывала папки в свой портфель.

— Мне разрешить ему пройти?

Я и так задержалась после моего последнего пациента, а Ксандер уже через считанные секунды начнет названивать мне непрерывно, и страшно представить, что будет, если я не подниму трубку.

— Эмм... да, проводи его.

Я закрыла портфель и проследила взглядом, как Анжела впускает Йена в кабинет. Он нервничал. Да и я чувствовала себя беспокойно. После того, как я услышала обо всем, что произошло между братьями, даже не знала, чего ожидать.

— Доктор Шоу, — он сократил расстояние между нами, встав по другую сторону моего стола.

— Что вы здесь делаете?

На самом деле я стояла затаив дыхание, ожидая, что из этого выйдет.

— Я надеялся поговорить с вами о Ксандере.

Он встретился со мной боязливым взглядом.

— О чем тут говорить? — я попыталась не выдать своего нервного состояния.

— Не знаю, насколько много вам известно...

— Все.

Если его целью было разоблачить своего брата, то он уже опоздал.

— С его слов. С его стороны, — он положил ладонь на мой стол и наклонился.

— Мне больше не на что опереться для суждения.

— Может и есть, — он приподнял бровь. — Я могу рассказать вам свой вариант этой истории, потому что я более чем уверен, что он выставил меня хером, который умыкнул его жену.

— Думаю, вы сами себя таковым выставили.

Он вздрогнул.

Поумерь свой гнев, Эйвери.

Он кивнул и натянул улыбку, которая не тронула его зеленых глаз.

— Он полностью промыл вам мозги. Вся ваша «команда Ксандера» не представляет, насколько грязным игроком он на самом деле является.

— Что вы от меня хотите? — я уже устала от его уверток.

— Поговорить с кем-нибудь. С тем, кто сможет выслушать истории обеих сторон и помочь нам обоим отпустить это и прийти к соглашению.

Он выпрямился и снова скрестил руки.

— Это во многом является конфликтом интересов, — я покачала головой.

— Вы, кажется, женщина, которая нарушает правила ради большего блага.

И какое же большее благо может быть в этом? Наладить их отношения. Помочь им оставить в прошлом эту трагедию. Должна признать, что в моей голове это казалось отличным планом.

— И это не является частью какой-то мстительной стратегии? — я не думаю, что это

так. На самом деле, он действительно выглядит как человек, который сбился с пути и нуждается в помощи, чтобы отыскать его. Может быть, у них еще есть шанс.

— Нет.

Я настороженно посмотрела на него.

— Запишитесь на прием у Анжелы, но никакой фигни. Это будет настоящий сеанс. Вы хотите привести в порядок себя и ваши отношения с братом, и именно этим я и буду заниматься.

Он кивнул:

— Спасибо.

И, развернувшись, ушел. Из-за этого я задержалась ровно на пятнадцать минут, хотя в это время должна была уже уехать к Ксандеру.

~*~*~

— Ты чего так долго? — спросил Ксандер сразу после того, как я вошла в дверь. Я уже и так опаздывала, когда пришел Йен, а после еще и в пробке застряла.

— Ко мне неожиданно пришел посетитель, когда я уже собиралась уходить.

Лучше сообщу ему прямо сейчас, чем он узнает об этом потом.

— В самом деле? Типа того, как я пришел к тебе в первый раз, — пошутил он, но на самом деле он попал в точку.

— Практически так. Разве что это был Йен.

Он замер, а потом, шагнув назад, уставился на меня в замешательстве.

— Йен пришел увидаться с тобой? — медленно спросил он.

— Да, — я прошла через гостиную и положила портфель и пиджак на обеденный стол. Повернувшись, я увидела его, прислонившегося к косяку со злобным выражением на лице.

— Сколько он там пробыл? — Ксандер сузил глаза.

— Пятнадцать минут.

— Пятнадцать минут! Почему, блядь, ты не вышвырнула его оттуда нахрен? — он приблизился ко мне, прижав к стене и пронзая взглядом.

— Он хотел поговорить. И выглядел так, будто нуждался в моей помощи.

Из него вырвался безрадостный смех, и он выставил руки по обе стороны от меня, тем самым заключив в импровизированную клетку.

— Когда я впервые пришел в твой офис, меня заставили записаться на прием и ждать, чтобы поговорить с тобой. Но как только приходит Йен, ты прокатываешь меня, потому что ему необходимо поговорить?

— Может быть, мне было несколько любопытно услышать то, что он хотел сказать, — я положила ладонь ему на грудь, потому что он давил на меня и его гнев был ощутим.

— Держись, нахрен, подальше от него, Эйвери, — он провел пальцами по моему лицу. Он был в секундах от того, чтобы выпустить наружу всю свою ярость.

— Я слышу обвинение в твоём голосе, но для этого нет никакой причины, Ксандер. Никакой, — я встретила его сердитый взгляд и попыталась успокоить нежной лаской.

— В следующий раз, когда он появится, вызови охрану. Или позвони мне.

— Не могу, — я вздохнула.

— Почему это? — его глаза расширились.

— Он записан ко мне на прием на следующей неделе.

Я собиралась настоять на своем, независимо от того, насколько это может разозлить Ксандера.

— Черт, нет! Отмени, — потребовал он.

— Не могу.

— Не можешь или не хочешь? — он придвинулся еще ближе, его лицо было всего лишь в дюйме от моего.

— Не хочу, — сказала я твердо.

Он заключил мое лицо в ладони, его глаза наши мои.

— Ты же не поступишь со мной так дерьмово. Ты сказала, что если я откроюсь тебе, ты поможешь мне. Мне, а не ему.

— Почему я не могу помочь вам обоим? Он же твой брат.

— Потому что ты не можешь.

Он наклонился и поцеловал меня, грубо. Его язык властно двигался у меня во рту угрожающе и злобно. Его руки скользнули к моей заднице, пальцы впились в мою плоть, когда он приподнял меня и расположил прямо напротив своей эрекции. Я попыталась оттолкнуть его, сказать, что Йен не встанет между нами, но он зарычал.

— Не отталкивай меня. Мне необходимо оказаться внутри тебя.

Он продолжал целовать меня. Его пальцы заскользили вверх по моему бедру, пока не встретили влажную полоску моих трусиков. Он дразнил мой клитор сквозь шелковистый материал, и в итоге я задрожала.

Неожиданно резким рывком он сорвал с меня трусики. Я ахнула ему в рот, но он был слишком одержим желанием оказаться внутри меня, чтобы заметить это. Он спустил шорты, приподнял меня за талию и пронзил своим толстым членом. Медленно качаясь во мне, его член растягивал и полностью заполнял меня. Ксандер зарылся головой в изгиб моей шеи, и, казалось, успокоился и перестал злиться.

Я думала, что он успокоился, но на самом деле он все еще еле сдерживал гнев, бормоча несвязные слова прямо в мою кожу. Через несколько минут он поднял голову и сказал:

— Покажи мне свои сиськи.

Я сразу же разорвала свою рубашку, раскрываясь, и расстегнула спереди застёжку на лифчике. Его толчки были равномерными, когда он наклонился и всосал мой сосок в рот. Моя спина выгнулась, и его член скользнул глубже, ударяясь в точку «G» и тем самым заставляя меня трястись. Моя киска сжалась, когда он подался назад и снова врезался в меня. Выпустив мой сосок, он взял меня в плен — одной рукой за бедро, другой — за шею.

— Скажи мое имя.

Я посмотрела на него, прерывисто постанывая с каждым толчком его члена. Его пальцы напряглись на моей шее.

— Скажи мое *гребаное* имя, — потребовал он.

— Ксандер, — простонала я. Он начал двигаться дико, беря меня жестко и быстро, с яростным выражением на лице, обхватив рукой мою шею.

Блядь! Почему меня так сильно заводит то, когда он превращается в собственного безумца?

Моя киска была настолько мокрой, что его член восхитительно вторгался, пронзая меня, требуя моего оргазма. Каждые несколько минут он ослаблял хватку на моей шее, но затем снова сжимал ее, когда я начинала двигаться. Было ясно, что он утверждал свои права на меня, и я должна была оставаться на месте и принимать его.

— Ты моя, — прорычал он, его член вдавливал в меня этот факт. Его таз задевал мой пульсирующий клитор. — Давай, Эйвери, — он резко толкнулся, пухлая головка его члена терзала мою точку. — Кончай, нахрен, прямо сейчас.

И я сделала это. Я, блядь, воспарила от переполняющих восхитительных ощущений. Его член пульсировал в сжимающей его киске. Он зашипел.

— Черт... Эйвери, черт... да... — его голова опустилась на мою грудь, и он укусил меня за сосок, пока кончал. Острая боль и удовольствие от укуса подарили мне еще один оргазм. Не такой сильный, но достаточный для того, чтобы мое тело обмякло от переизбытка ощущений.

В этот момент я почувствовала его теплую изливающуюся внутрь меня сперму и поняла, что он забыл про презерватив. Или, может, он намеренно оставил свой след внутри меня — в самой собственнической манере, какую я когда-либо знала.

— Ксандер? — я толкнула его в плечо.

— Хм? — пробормотал он мне в ключицу.

— Ты не воспользовался презервативом.

Ксандер поднял голову и посмотрел на меня в недоумении, после чего приподнял меня со своего члена и позволил моим ногам скользнуть вниз. Он, опустив свой взгляд, ухмыльнулся, а затем толкнул меня спиной к стене и агрессивным поцелуем стал утверждать свои права на мои губы. Его пальцы задели мой клитор. Потом он начал трахать меня пальцем так же агрессивно, как и целовал.

Через несколько минут я снова кончила. Всхлипнула и прислонилась к стене от масштабов моего высвобождения. Пока я ловила ртом воздух, он засунул палец мне в рот и сказал:

— Соси его.

Я сердито на него посмотрела, но сделала так, как он скомандовал, всеми способами. Сочетание его вкуса и моего восхитительно обволакивало мой язык.

— Больше не будет презервативов, — сказал он, когда вытащил палец и натянул шорты. Он зарылся пальцами в мои волосы и притянул меня ближе к себе, пока его губы не оказались у моего уха. — С этого момента я хочу, чтобы ты пробовала таким образом мой вкус каждый день.

Он ушел, оставив меня приходить в себя. Я была совершенно уверена в том, что он просто выгравировал свое имя во мне, и я никогда не смогу удалить его оттуда.

Глава 8

«Убежище»

Эйвери

— Я исфигачил всю свою жизнь, — вздохнул Йен.

Он не настолько собран, как в прошлый раз, когда приходил ко мне в офис. Похоже, он попытался сделать хоть что-то, чтобы выглядеть более презентабельно, чем на прошлой неделе. Но его волосы были растрепаны, глаза налились кровью, а двухдневная щетина покрывала его лицо.

— Я знаю, что Ксандер, скорее всего, выставил меня негодяем...

— Не переживай по поводу того, о чем Ксандер говорил на наших с ним сеансах. Эти

разговоры не имеют никакого значения в данный момент. В течение следующего часа Ксандера не существует, только если ты снова не заговоришь о нем, — будничным тоном сказала я.

— Прежде чем я еще хоть что-то скажу, я хочу, чтобы вы знали, что я любил ее. Я бы не стал причинять боль своему брату, если бы не любил ее, — он почесал заросший подбородок и откинулся на спинку своего кресла.

Должно быть, эта Джессика была какой-то фантастической. Потому что даже спустя столько лет она все еще эмоционально влияла на этих двух мужчин.

— Ты пришел сюда за помощью или оправдать свою вину? — мне не очень-то хотелось стать следующей женщиной в их междоусобице.

— И за тем, и за другим.

Я могла бы смириться с таким ответом. По крайней мере, до тех пор, пока не пойму, что ему нужна помощь, которую я готова ему оказать.

— Я пришел сюда, потому что после той ночи я скатился по наклонной прямо в ад, а жизнь Ксандера наоборот пошла в гору. Я до сих пор не понимаю, почему он посещает психиатра, когда он привык все держать в себе.

Он опустил голову, потирая рукой затылок.

— Йен?

— М? — он посмотрел на меня.

— Мы можем поговорить о тебе и о том, почему ты перестал управлять своей жизнью? — он понял, что я пытаюсь отвести разговор от Ксандера, поэтому вернулся к тому, зачем мы собственно здесь и находились.

— Я винил себя в смерти Джессики. Я не мог двигаться дальше, оставить все в прошлом. Я пытался, но это преследовало меня днем и ночью. Той ночью Ксандер застучал нас. Она должна была приехать ко мне, но решила не делать этого. В тот день мы спорили об ее уходе от Ксандера. Я должен был оставить ее в покое. Я не должен был ходить туда, чтобы поговорить с ней.

— Ты рассказывал кому-нибудь еще о Джессике? Что случилось, почему она погибла?

Он покачал головой.

— Мои родители были полностью на стороне Ксандера. Они были настолько сильно разочарованы во мне, что едва говорили со мной в течение многих недель.

— И какие чувства у тебя это вызывало?

Да, я сказала это.

— Какие и всегда. Несмотря на то, что я старше Ксандера, я никогда бы не дорос до него.

— Это то, что ты пытался сделать? Превзойти Ксандера? — я набросала несколько строчек в своем блокноте, пока наблюдала за ним.

Он пожал плечами.

— Я не знаю. Просто у меня всегда было такое ощущение, что в Ксандере они находили все, чего им так хотелось. Я у них был, но во мне не доставало чего-то такого, что было у Ксандера и что полностью соответствовало их требованиям. Я поступил на юридический факультет и пошел по стопам отца, но все разговоры всегда были только о стипендиях Ксандера, о следующем прослушивании Ксандера, о том, что жена Ксандера недостаточно хороша для него.

— Я собираюсь задать тебе вопрос, и мне нужно, чтобы ты ответил на него

максимально честно. И знай, твой ответ навсегда останется между нами, — подготовила я его.

Он кивнул.

— Был ли ты с Джессикой просто в отместку Ксандеру? Потому что ты знал, насколько много она для него значила?

Он отвел взгляд.

— Йен, — подталкивала к ответу я. Мне не хотелось, чтобы он замкнулся в себе и пытался сам разобраться со своей истиной.

— Йен...

Он посмотрел на меня остекленевшими глазами.

— Да, сначала все было именно так, но потом это стало большим.

Я покачала головой, но поняла его.

— Когда все изменилось?

— Ксандер привел ее, когда ей было 18 лет. Мне был уже 21, и я был достаточно взрослый, чтобы понять, когда женщина пытается привлечь мое внимание, — он провел рукой по своим отросшим светлым волосам.

— Значит, она была агрессором.

— Она пыталась соблазнить меня своим телом, но меня больше интересовало ее сердце.

— Сердце? — я посмотрела на него поверх своих очков, немного удивленная его ответом.

— Я хотел отнять у Ксандера того, кого он любит, и заставить этого человека полюбить меня сильнее, чем его. Это было глупо, но как оказалось, я был столь же хорош, как и он.

Я начала понимать, насколько далеко завела Йена его враждебность.

— Когда все изменилось?

— Прямо перед тем, как она вышла замуж за Ксандера.

— К этому времени вы уже спали вместе?

Я была уверена, что уже и так знаю ответ, но мне было необходимо услышать от него подтверждение.

Он кивнул.

— Практически с первой нашей встречи.

— Итак, что произошло, когда она все-таки решила выйти замуж за Ксандера?

— Она не решала. Мы уже неделю трахались, и она сказала мне, что влюбилась в меня, а спустя еще одну неделю Ксандер утащил ее в Лас-Вегас, так они сбежали.

— А какие чувства *это* вызвало у тебя? — я быстренько набрасывала слова в блокноте, периодически поглядывая на него поверх очков, чтобы понять и оценить его реакцию.

— Именно тогда я понял, насколько сильно она повлияла на меня.

— И это не имело ничего общего с победой у Ксандера? — я сузила глаза.

— Нет, — он покачал головой. — Я не знаю. Было ощущение, что это все по-настоящему. Я устал делить ее с ним. Я любил ее, а он увез ее и женился на ней, будто знал о нас.

— Как долго ты... ты таил эту ревность к своему брату? — я откашлялась, подталкивая свои очки выше по переносице.

— Столько, сколько помню себя. Меня любили на протяжении трех лет, и в один прекрасный день мои родители пришли домой с этим ребенком, и я был забыт. В смысле,

они всегда занимались со мной, но я также всегда чувствовал, что они души не чаяли в Ксандере, будто он являлся каким-то принцем, — он замолчал.

Я молчала. Не думаю, что Йен сам понимал, что его любовь к жене брата была основана на ревности длиною в жизнь. Заставить его действительно смотреть на вещи объективно и научить принимать самого себя таким, каким он был, не сравнивая себя с Ксандером, будет очень трудно.

Я сказала, что наш сеанс окончен, и записала его на следующую неделю. Я всегда старалась записывать Ксандера и Йена в разные дни. Последнее, что мне было нужно, это чтобы они столкнулись в том месте, которое я стараюсь сделать для них убежищем.

~~*

— Как прошел твой сеанс с Йеном? — спросил Ксандер.

— Хорошо.

— Хорошо. И все?

— Да.

Ксандер ходил следом за мной по кухне, пока я расставляла тарелки и доставала из пакета китайскую еду навынос.

— Что он рассказал? — он явно пытался меня подтолкнуть к разговору об этом.

Я нахмурилась и покачала головой.

— Мы не можем об этом говорить.

Я выложила еду на две тарелки и выбросила картонные коробки.

— Почему нет? — он пытался сделать беспечный вид, но глаза выдавали его отчаяние, так сильно он хотел знать, что происходило во время нашего сеанса.

— Это то же самое, если бы я рассказала ему о том, о чем мы говорим с тобой на наших сеансах.

Я знаю, что ему бы никогда этого не хотелось.

— Не то же самое, — сказал он, присаживаясь рядом со мной и наблюдая за тем, как я ем, но ко мне не присоединился.

— Почему нет? — я посмотрела на него.

— Потому что он не трахает тебя, — его лицо стало каменным.

Он ведь, черт возьми, несерьезно.

— Серьезно, — сказал он, будто прочитав мои мысли. — Ты должна быть на моей стороне.

— В моем кабинете нет сторон, Ксандер, и я не нарушу врачебную тайну только лишь потому, что у тебя есть член божественной силы, который почему-то должен заставить меня осквернить мою этику.

— Ты уже осквернила ее. Несколько месяцев назад, когда я трахал тебя на твоём рабочем столе, — он оскалился одним уголком губ.

Я поморщилась от этого замечания и решила вернуться к еде. Если я позволю Ксандеру подстрекать меня, то мы начнем спорить, потом трахнемся, а затем снова будем спорить.

— Откуда мне знать, что он не настраивает тебя против меня?

Я опустила вилку и посмотрела на него.

— Ты должен доверять мне и понимать, что я достаточно умна, чтобы не повестись на

манипуляции Йена.

— Она тоже была умной, — он посмотрел на меня встревоженным взглядом, потом встал и вышел из кухни. Я проследила взглядом, как он сел перед телевизором, но ни разу даже не взглянул в него. Он сидел на диване, откинув голову, и смотрел в потолок. Мне хотелось злиться на него за недоверие ко мне, но я понимала, где лежат истоки этому. Он уже потерял кое-кого из-за своего брата, и его отчаянная потребность вцепиться в меня и держать подальше от Йена была лишь инстинктом самосохранения.

Я доела, помыла тарелку и направилась в гостиную. Я оседлала его. Он поднял голову, положив руки мне на талию.

— Привет, — прошептала я.

— Привет, — ответил он таким же мягким голосом.

— Я понимаю, как тебе тяжело. И я не пытаюсь сделать еще тяжелее, помогая Йену, — я погладила пальцами сверху вниз его лицо.

— Тогда почему ты делаешь это? — его глаза умоляли меня дать ему хоть какое-то объяснение.

— Потому что я хочу помочь тебе.

— Помогая ему, — он не выглядел убежденным.

— Ты когда-нибудь останавливался и задумывался, что все плохое, что с тобой произошло, началось с него?

Он повернул голову в сторону и, казалось, обдумывал мои слова. Я потянулась и повернула рукой его лицо обратно к себе.

— Если ни один из вас не найдет способ, чтобы излечиться от всей этой боли, вы никогда не найдете свое душевное спокойствие.

Он наклонился и поцеловал меня, потом отстранился.

— Я не хочу снова становиться тем парнем, который был настолько поглощен женщиной, что все вокруг казалось угрозой.

Я провела рукой по его волосам, и он наклонился, прижимаясь ней.

— Я работаю над решением проблемы для вас обоих. Но мне необходимо, чтобы ты знал... Я всегда буду твоей.

Глава 9

«Поехали со мной»

Ксандер

Я проснулся в постели Эйвери. Днем ранее у нее прошел второй сеанс с Йеном, и я справился с этим намного лучше, чем в прошлый раз. Я знал, что должен доверять ей, и я доверял. Просто я не доверял Йену за все его дерьмо. Я не хотел, чтобы он настроил ее против меня.

Эйвери нависла надо мной с милой улыбкой. Она скрывалась под своей маской серьезности слишком долго, но как только она снимала ее, то улыбалась и смеялась постоянно.

— Как спалось? — она спрашивала это каждое утро, и ответ всегда был одним и тем же.

— Хорошо, — это полуправда.

Из-за того, что я проводил теперь каждую ночь с Эйвери, то спал просто замечательно, пока не появлялись сны. Теперь они не приходили так часто, но когда все-таки они мне снились, я пытался сделать так, чтобы не разбудить Эйвери, просыпаясь в паническом

состоянии. Она обычно начинала со мной возюкаться, и, хоть я и ценю это, я не хотел, чтобы она видела меня в таком состоянии.

Ее лечение помогало мне, в определенном смысле. Я больше не чувствовал, что эти воспоминания накрепко закупорены внутри меня, сновидения стали появляться реже, но полностью я все еще не излечился. Я и не ждал, что это когда-нибудь случится. Я просто был благодарен за ночи, когда я сплю, и еще больше за то, что каждое утро я просыпаюсь рядом с Эйвери.

Она наклонилась, ее голая нежная кожа касалась моей, ее заострившиеся соски задевали мою грудь. Мои утренний стояк начал изнывать от необходимости оказаться внутри нее. Ее губы коснулись моих, она прикусила меня за подбородок, а ее мокрая киска терлась о мой член.

Я чертовски люблю утренний секс.

— Я опаздываю, — сказала она и неожиданно спрыгнула с меня.

Что? Я пытался схватить ее за талию, но она с хихиканьем увернулась от моей попытки затащить ее обратно.

— Хренушки. Ты не можешь сделать меня твердым и затем просто уйти, — я был настолько близок, чтобы оказаться внутри нее, что мой член ныл, от предвкушения на нем уже выступили капельки предэякуляции.

— Ты уже и так был твердым, — она улыбнулась мне, злорадствуя, прежде чем направиться в ванную. Я прикрыл рукой свои глаза, пытаюсь убедить мой член успокоиться. Я же кончил три раза прошлой ночью. *Мы же могли бы подождать, ведь так?* Я посмотрел вниз на свой член, и он дернулся. Даааа, ожидание его явно не радует.

Эйвери вышла из ванной, села за свой туалетный столик и начала укладывать волосы, глядя в зеркало. Наблюдать за ее сборами на работу стало самым любимым моим времяпрепровождением по утрам. Одним из... настолько глупо быть очарованным самым обычным действием, когда она раскатывала по ногам чулки и закрепляла их на подвязки, но каждый раз это делало меня твердым. Я уже начинал думать, что она специально устраивала это шоу для меня, потому что, казалось, что с каждым днем оно становится все более провокационным. Она и представления не имеет, как много власти у нее надо мной.

Я встал с кровати и подошел к ней сзади. Она посмотрела на меня в зеркале, ее губы растянулись в подобии улыбки, пока она скользила по ним кончиком красной помады. Я отодвинул длинные рыжие локоны и поцеловал ее плечо. Она вздрогнула.

— Не начинай, Ксандер. У меня назначена встреча меньше, чем через час.

— Мне понадобится только 10 минут, — прошептал я.

Она покачала головой, в ее глазах танцевали чертики, когда наши взгляды встретились в зеркале. Я поднял бровь. Она рассмеялась и встала.

— Нет, Ксандер.

Эйвери чмокнула меня в губы, а затем вошла в гардеробную, чтобы полностью одеться. Она вернулась несколько минут спустя, балансируя в одной красной-трахни-меня-сейчас туфле на каблуке, пока скользила другой своей ножкой во вторую туфлю. Темно-серая юбка обтягивала все ее изгибы и заканчивалась прямо над коленями, а подходящий жакет был перекинут через руку.

— Поехали со мной.

Я пытался уговорить ее поехать со мной в Калифорнию на этой неделе. Фильм, который я продюсировал перед тем, как попасть в реабилитационный центр, должен был получить

награду, и мне следовало появиться там хотя бы на выходные.

— Я не знаю, Ксандер, — она смотрела на меня, пока застегивала последние несколько пуговиц своей белой блузки.

Она не стремилась выставлять наши отношения на всеобщее обозрение, и я не виню ее за это.

Я знаю, что, привезя ее в Калифорнию, потенциально положу ее под микроскоп внимания достаточно любопытного общества. Но независимо от этого я и представить не могу, как оставлю ее даже на три коротких дня. Чем ближе к себе я держал ее, тем лучше преодолевал все препятствия на нашем пути.

— Всего лишь выходные.

Она вздохнула. *Она уже практически сдалась.*

— Ты мне нужна.

— Хорошо, я поеду, но если что-то пойдет не так, я буду прятаться в твоей квартире.

Я улыбнулся и поцеловал ее, прежде чем она выбежала из комнаты, ее нежный аромат еще долго оставался после того, как она уехала.

Я принял душ и оделся. Схватив свою кожаную куртку, направился к двери. И застыл на месте, когда она распахнулась и вошла Элли. Она вздрогнула, а потом подозрительно посмотрела на меня.

— Элли, — сдержанно поприветствовал я ее. Последний раз, когда мы оставались здесь один на один, все прошло не слишком-то хорошо, но мы ведь не можем избегать друг друга, иначе Эйвери поймет, что что-то не так.

— Машины Эйвери нет на месте, поэтому я думала, что тебя, чувак, здесь тоже нет.

— Она уехала полчаса назад.

Она кивнула и прошла мимо меня.

— Ты ведь знаешь, что тебе не обязательно проникать сюда только после того, как мы уходим. Это и твой дом.

Должен признать, что мне было неловко приходить к Эйвери из-за Элли, но она настаивала. Это выглядело несколько странно, что я изо дня в день уговариваю ее поехать ко мне, хотя ее квартира находится ближе к офису.

Элли повернулась и посмотрела на меня.

— Я знаю, что это мой дом. Но я не могу ничего с собой поделаться. Я не настолько равнодушна, как ты. И чувствую себя виновной во всем этом.

— А ты думаешь, что я — нет?

Она вздернула брови.

— Не думай, что только лишь потому, что я привык к чувству вины, я не испытываю ее. Я ненавижу то, что скрываю это от нее, но чего мы добьемся, сказав ей правду? Она больше никогда не доверит мне свое сердце. Она больше никогда никого не подпустит к себе.

Она медленно покачала головой, разглядывая меня прищуренными глазами.

— Я не могу понять, либо ты мне сейчас лапшу на уши вешаешь, либо же ты абсолютно не такой, каким я тебе знала.

Я посмотрел на нее в огромной бесформенной футболке и с длинными светлыми косичками, спускающимися по спине, и улыбнулся.

— Похоже, мы оба ошибались насчет друг друга, когда встретились.

Она кивнула, повернулась, а затем ушла к себе в комнату.

Глава 10

«Статус знаменитости»

Эйвери

Я всегда думала, что, когда в 21 год получу доступ к своему трастовому фонду, начну путешествовать по миру и посмотрю все места, которые мечтала увидеть. Но судьба определила все иначе. И независимо от того, насколько крупный трастовый фонд оставили мне мои родители, мне всегда больше хотелось успеха, нежели богатства. Зато с помощью этих денег я смогла открыть собственную практику.

Было время, когда я мечтала поехать в Калифорнию, но тогда я даже не представляла, что в первый раз попаду сюда под руку с сексуальной звездой Голливуда. И пока Ксандер и я шли — нет, не просто шли, а неслись — по аэропорту ЛА (Лос-Анджелеса), меня потрясло то, насколько много людей останавливалось и начинало рассматривать нас, и еще то, как много вспышек камер мелькало перед моим лицом.

Я знала, что была похожа на оленя, которого ослепил свет автомобильных фар, ну, по крайней мере, на половине снимков точно. Я была новичком в этом. А вот Ксандер был асом. Он надел темные очки и с низко опущенной головой шел прямо к своей цели. К тому времени когда мы добрались до машины, присланной за нами, я успела налететь на достаточное количество людей, пытаясь не отставать, и у меня было такое ощущение, будто я только что прошла через лабиринт или цирк.

Ксандер же был главной достопримечательностью, к которой пробирались все.

— Ты в порядке? — спросил Ксандер, заправляя мои волосы за ухо, как только мы сели в машину.

— Думаю, да.

Он улыбнулся:

— Ты привыкнешь к этому.

Да? Мы что, планируем будущее в ЛА? Потому что я не могла представить, как уеду из Сиэтла.

— Здесь, в ЛА, мир вращается быстрее. Моргнул один раз — и ты уже на церемонии вручения награды, еще раз — и ты уже даешь херову кучу интервью, ну а потом большую часть следующего дня ты проводишь в постели.

— Нахождение в Вашингтоне, наверное, сводит тебя с ума.

Он покачал головой.

— Нет. Нахождение здесь сводит с ума. Это — то место, куда я сбежал от всего. Я вернулся сюда, чтобы доказать себе и Джессике, что могу сделать это. Теперь, когда я сделал... — он пожал плечами. — Теперь, я просто хочу сбавить обороты.

— Что это значит?

— Это значит, что ты можешь перестать терзать губу. Я не останусь здесь. Мы не останемся здесь. Мы просто ходим на церемонию награждения, появимся на нескольких вечеринках и свалим отсюда в течение двух дней, а может, даже и раньше. Я хочу попробовать себя в каком-нибудь сценарии, и нет лучше места, чтобы сделать это, чем мой маленький домик в Вашингтоне.

— Мне до сих пор не верится, что ты решил купить этот дом.

— Почему нет? Он тебе не понравился?

Мне очень понравился этот маленький домик. Это было уединенное бунгало, приятное своей необычностью и уютное — от известного актера совсем не этого можно было ожидать. Его решение купить этот домик неделю назад было поспешным, и я подумала, что он опомнится и передумает, но нет — он был полон решимости. Я не хотела понапрасну надеяться, но почувствовала облегчение от того, что он все-таки не собирался снова сбежать в ЛА.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Мы подъехали к высотному зданию, вышел служащий и забрал из машины наши сумки. Мы прошли через роскошный вестибюль с мраморными полами. В помещении находились швейцар, портье, охранник и лифтер. Я ожидала, что все это есть у Ксандера. Просто это очень отличалось от того места, куда я приходила к нему.

Лифт доставил нас на двенадцатый этаж. Эта квартира не имела ничего общего с тем бунгало в Вашингтоне. Именно этого я ожидала от кинозвезды. Окна размером от пола до потолка открывали великолепный вид. Шкафы вишневого цвета и темные столешницы на кухне, черно-красная мебель в гостиной, а еще два изящных шезлонга на балконе.

Посыльный пришел с нашими сумками и оставил их у входа. Ксандер, дав ему чаевые, потянул меня в свою спальню. Кровать была большой и вызвала неприятные ощущения. Я вспомнила, что он страдал от бессонницы и убивал время в компании ни о чем не догадывающихся девушек. Я поморщилась.

— Почему у тебя такое выражение лица? — он вырвал меня из моих мыслей.

— Просто подумала о том, сколько женщин ты перетрахал в этой постели, — я кивнула головой в сторону этого уродства.

— Если хочешь, я выброшу ее. Я могу позвонить в мебельный салон, и уже завтра они привезут новую, — он вытащил свой телефон, но я вырвала его из рук.

— Я не настолько не уверена в себе, — обвила его шею руками и поцеловала. — И пока мы вместе, никого не должно быть в ней, кроме меня, тогда ты можешь сохранить при себе эту кровать и свой член. Но с этого момента, если ты нарушишь наш уговор, я не даю никаких гарантий, что ничего не сделаю с одной из этих вещей.

Я сжала рукой его член, и Ксандер нахмурился.

— Ты бы никогда не навредила ему. Ты слишком сильно его любишь.

— И именно поэтому я не хочу, чтобы его имел кто-то другой.

Он наклонился и поцеловал меня.

— И не будет.

Глава 11

«Гребанный Маркус Уайлдер»

Эйвери

Я проснулась с головой Ксандера между моих ног и на грани невероятного оргазма. Нежное скольжение его языка по моему клитору было самым впечатляющим способом разбудить меня. Я попыталась сдвинуть ноги вместе, когда почувствовала, что прилив удовольствия стал слишком сильным, но он, положив свои руки на оба бедра, раздвинул их еще шире. И вскоре я уже начала раскачиваться в такт его ласке в погоне за оргазмом. Он с силой всосал мой клитор, а затем щелкнул по нему языком. С третьим легким ударом его

горячего, гладкого языка я взлетела. Я кончила так сильно, что у меня затряслись ноги, а мышцы были настолько напряжены, что я чувствовала, будто оргазм повторяется по кругу. Его язык был неумолим, терзая мой слишком чувствительный клитор и продлевая мой оргазм, пока я не начала умолять его о пощаде.

Я обмякла к тому времени, когда он отодвинулся, и все исчезло — даже реальность. Но как только его член погрузился в мою мокрую киску, я вдруг снова пришла в себя.

Слов не хватило бы, чтобы описать момент первого толчка. Тот момент, когда мы стали одним целым и давление его члена выбило весь воздух из меня и послало мурашки по спине. Тот момент, когда он раздвинул мои ноги и заставил меня не чувствовать ничего, кроме его твердой плоти и необузданных эмоций.

Он оперся ладонями о кровать, пока совершал медленные, неторопливые толчки. Он трахал меня так, будто хотел оставаться во мне весь день. И я не сомневаюсь, что он так бы и постарался сделать.

— Вот это я называю зрелищем, — сказал кто-то, но я подумала, что это был телевизор, который мы забыли выключить.

— Убирайся, Маркус.

Что? В комнате в самом деле кто-то был.

Я одной рукой прикрыла свою грудь, а другой попыталась оттолкнуть Ксандера. Но не получилось. Ксандер стал еще более усердным, ускоряясь, несмотря на зрителей.

— Ну же, Ксандер, ты можешь сделать это лучше.

Что, блядь, не так с этим парнем? Я была очень рада тому, что простынка прикрывала хотя бы нижнюю часть наших тел.

— Пошел на хрен, Маркус, — Ксандер и раньше говорил о Маркусе, но я не думала, что мы с ним встретимся, когда Ксандер будет на глубине восьми дюймов внутри меня.

— И пропустить финал? — сказал Маркус. Я не могла видеть ничего за спиной Ксандера, поэтому до сих пор понятия не имела, где он находится в комнате.

— Ксандер, остановись, — прошипела я. Мое лицо пылало, но тело все еще страстно отвечало Ксандеру. Мои соски были твердыми, а киска требовала объездить его, но не было ни единого шанса, что я смогу кончить при находящемся в комнате незнакомом человеке.

Ксандер зарычал, стиснув зубы, врезался в меня и кончил. Его горячая сперма заполняла меня, в то время как его друг присвистнул.

— Не могу поверить, что ты сделал это, — проворчала я.

Он усмехнулся сквозь тяжелое дыхание.

— Неужели тебя ни капельки не возбуждает то, что кто-то наблюдает, как я заявляю права на тебя?

— Нет, — прошептала я.

— Он не мог видеть тебя, — заверил Ксандер, будто это имело какое-то значение при том, что я только что стала участницей настоящего секс-шоу. Он вышел из меня, и, убедившись, что простынка прикрывает меня, встал.

Я натянула ее на голову, а затем чуть выглянула. Марк последовал за Ксандером в ванную, не переживая о том, что Ксандер прошествовал туда совершенно голым. Я выпрыгнула из кровати, все еще сжимая простыню у груди, схватила рубашку Ксандера, валявшуюся на полу, набросила на себя и поспешно застегнула. Взяв из своей сумки трусики, молниеносно натянула их.

Маркус вернулся в комнату. И совсем не подходил под описание Ксандера. Он был по-

мальчишески милым и вместе с тем излучал агрессию и дикость, полностью оправдывая свою фамилию (прим. перев.: wild [уайлд] — дикий). Он был почти таким же высоким, как и Ксандер, с его ростом почти 1,9 м, и находившимися в беспорядке светло-русыми локонами на голове.

— Эйвери, — прокричал он это так, будто мы были друзьями детства, которые не виделись с давних пор.

Он ошарашил меня объятиями, на которые я не ответила, и мои руки просто неловко свисали по бокам, пока он сжимал меня. Я посмотрела через его плечо на Ксандера, показывая взглядом, что не понимаю, что происходит. Он пожал плечами и прошел в гардеробную, чтобы одеться.

Когда Маркус наконец-то отпустил меня, то взял за руки и начал рассматривать меня своими темно-кариими глазами.

— Так это ты та самая женщина, которая хочет доказать, что у Ксандера есть сердце.

- Если бы у меня его не было, я бы уже давным-давно уволил тебя, — прокричал Ксандер из гардеробной.

— Тогда кто же делал бы всю твою грязную работу и занимался всей твоей херней? — улыбнулся Маркус, обвивая рукой меня за плечи. — Пошли. Я принес нам завтрак, — сказал он, потянув меня к кухне, все еще удерживая в своих странных объятиях.

~*~*~

— Все готово на сегодня? — спросил Ксандер, когда мы собрались у стола позавтракать. Маркус просто кивнул, потому что с полным ртом не мог ответить. Он поднял свою чашку кофе и сделал глоток.

Я подумала, может быть, людям, подобным ему, — которые, казалось, и так уже суперактивные — следует запретить пить кофе. Он так и не сел. Расхаживал по кухне и гостиной, подходил к столу лишь для того, чтобы укусить свою булочку.

— Итак, Эйвери... ты впервые в Калифорнии?

— Да, — я наблюдала за тем, как Маркус раскачивается взад-вперед на пятках. Он не может спокойно стоять на месте.

— Не отдыхала здесь с семьей, когда была моложе?

Ксандер перестал есть и посмотрел на него.

Я вытерла рот салфеткой, проглотив еду, прежде чем ответить.

— До того, как мои родители умерли, мы ездили в отпуск, но мы никогда не приезжали сюда.

— О. Я сожалею о твоих родителях, — он сделал глоток кофе. А затем еще несколько маленьких глоточков, что вызвало ощущение, будто он выжидает. — Кто заботился о тебе после их смерти?

— Маркус! — Ксандер посмотрел на него, встал и, схватив за руку, потащил на балкон. Я не могла расслышать, что он говорил, но судя по его разгневанным жестам, он был недоволен тем, что Маркус поднял тему о моих родителях. Я понимаю, что он пытался защитить меня, но мне уже не было больно говорить о них. Много лет назад я бы вместе с ним начала возмущаться.

Первым вернулся Маркус, взял свой кофе и допил его. Затем посмотрел на меня и сказал:

— Было приятно встретиться с тобой, Эйвери. Спасибо за увлекательное утро, — он взял со стола свой телефон и ключи и закончил:

— Славные сиськи, кстати. Подмигнув, он указал пальцем вниз. Я проследила за его движением и увидела, что в спешке пропустила несколько пуговиц, из-за чего почти вся грудь была выставлена напоказ. Я соединила края и подняла голову, но Маркус уже вышел за дверь. Я взглянула на Ксандера, но тот просто стоял в балконных дверях, скрестив руки и качая головой. Я не могу полностью описать, каким опрометчивым, громогласным и напористым был этот человек. У него не было никаких границ. Он так жил. Он был просто гребаным Маркусом Уайлдером!

Глава 12

«Мистер Голливуд»

Ксандер

Этот хренов галстук душит меня.

Или, может быть, это просто пресса была слишком назойливой. Обычно я нормально реагировал на такие вещи, но то, что сегодня я был здесь с Эйвери, заставляло меня нервничать. Я никогда не представлял, что смогу появиться на красной дорожке с официальной парой. Объединение моей жизни с Эйвери и голливудской жизни выбивало меня из колеи. Я привык к нашему спокойному, без вспышек фотокамер, времяпрепровождению. Неожиданно то, что я любил и жаждал на протяжении многих лет, стало чувствоваться как вторжение в мою личную жизнь.

— Ксандер! Сюда!

Я повел Эйвери к толпе репортеров, прекрасно понимая, что нам не удалось бы попасть внутрь и при этом ни разу не остановиться.

— Мистер Пирс, это правда, что вы являетесь сопродюсером фильма “Дикие ночи”, который сегодня номинирован на Оскар?

Каждый репортер, находившийся здесь, прекрасно знал ответ на этот вопрос. И было такое ощущение, что эта девушка просто подводит к чему-то. Но меня такие вопросы приводили просто в бешенство.

— Да, я начинал продюсировать этот фильм и оставил его в руках своего коллеги, когда понял, что все получится именно так, как я себе и представлял.

— Возможно ли, что выход из проекта в середине съемок и пребывание в реабилитационном центре не имеют ничего общего?

К чему и был этот наводящий вопрос.

— У меня возникли некоторые семейные вопросы, и мне необходимо было их урегулировать.

Все произошло именно так, как я и предполагал.

Я улыбнулся и направился с Эйвери к следующему пункту назначения, потому что кто-то начал бы копать глубже, а я уклонялся от того дерьма, которое будет только усугубляться.

— Мистер Пирс, очень непривычно видеть вас на красной дорожке без Виктории Абрамс. Кому же досталась привилегия быть сегодня вечером вашей спутницей?

Я знал, что дойдет и до вопросов, касающихся Эйвери. Мне хотелось кричать им: «Она моя, и у нас есть личная жизнь, вы не должны использовать ложь, просто я знаю, на что

вы способны!».

— Это мне выдалась привилегия быть спутником этой великолепной женщины.

С меня хватит.

Я знаю, что Маркус захочет прибить меня за то, что я не сделал, как он говорил, и не произвел благоприятное впечатление на прессу, но мне нужно поскорее увести Эйвери подальше от моей личности Мистера Голливуд. Ведь значимость всего, над чем я работал раньше, меркнет по сравнению с тем, что Эйвери значит для меня.

С тех пор как мы приземлились в аэропорту Лос-Анджелеса, все казалось другим.

Маркус и его расследования начали бесить меня. Я больше не хочу, чтобы он копался в ее прошлом или пытался расспросить ее. Она терпеливо ждала, пока я откроюсь ей. Именно это мне хотелось сделать. И если есть какой-то большой и темный секрет, который вынудил Эйвери уничтожить записи о своем прошлом, то я хотел бы услышать его от нее лично и тогда, когда она будет готова.

Пока мы шли к нашим местам, я наблюдал, как ее вечернее платье льнуло к ней при каждом движении ее тела. Каждый раз, когда я смотрел на нее, она представлялась мне совершенно голой, тяжело дышащей, с глазами, потемневшими от страсти, и прижимающейся ко мне. И независимо от того, была ли она одета в вечернее платье или же в мешковатую пижаму, я все равно вижу ее, скачущую на мне и кончающую. Она поймала на себе мой взгляд и улыбнулась. Пылкий взгляд ее голубых глаз послал волну прямо к моему члену.

Это будет долгая ночь.

Я провел всю эту ночь, как на автопилоте. Получение награды, благодарственная речь, интервью — все это теперь казалось частью другой жизни. К этому я стремился, но после смерти Джессики все приобрело другой смысл. Стало способом доказать моей покойной жене, что я могу сделать это. Доказать, что я был достоин ее любви. И еще я хотел быть счастливым с Эйвери. Я хотел, чтобы мы вместе начали строить нашу жизнь. С ней я больше не был Мистером Голливуд, с ней я был сломленным Ксандером Пирсом, и она приняла меня таким. И была готова к тому, чтобы мы вместе починили меня.

Глава 13

«Наивными глазами»

Эйвери

Ксандер был достаточно опытным в общении с репортерами, и у него были заготовлены самые правильные ответы на любые, даже самые каверзные вопросы. Люди со стороны сказали бы, что он был в своей стихии, но я-то знаю, что это не так. Это его очень сильно тревожит. Я заметила, как сжалась его челюсть, когда у него спросили:

— Кто ваша спутница на эту ночь?

Но Ксандер не оценил вопроса, хотя держался холодно.

— Это я являюсь спутником этой прекрасной женщины, — ответил он.

И я не побоюсь сказать, что этот ответ заставил меня растаять.

Репортер выгнул бровь и попытался продолжить, но Ксандер стремительно повел меня внутрь. Меня не покидало чувство, что в скором времени мое имя будет красоваться в таблоидах, а я очень не хочу стать кормом для стервятников.

Мы приехали на позднюю вечеринку, но если будь воля Ксандера, он бы ее пропустил. Мы пробыли здесь уже больше часа, и все это время он ни на шаг не отпускал меня от себя.

— Куда ты? — спросил он, когда я попыталась вырваться, чтобы взять выпить в баре.

— Я просто собираюсь в бар.

Он был уже совсем на взводе.

— Ни с кем не разговаривай, — предупредил он, прежде чем я направилась через комнату. Я быстро заказала напиток и смогла уйти, избежав даже мимолетной беседы.

Когда я уже направилась к нашему месту через большой банкетный зал, то увидела, что Ксандер с кем-то беседует. Со стороны казалось, что он увлечен разговором, но его глаза следили за каждым моим передвижением по комнате. Не понимаю, почему он вдруг стал таким собственником, как только мы попали на красную дорожку. Я была так поглощена своими мыслями, что наткнулась на кого-то, кто проходил мимо меня.

— Простите, — я удержала свой бокал с мартини, не пролив ни капли на пиджак незнакомца. Этот сценарий казался ужасно знакомым, и я уже было подумала, что у меня появилась закономерность проливать бокалы на пиджаки красивых актеров.

— Не переживайте. Я могу простить такое красивой рыжеволосой девушке с прелестными глазами.

Я подняла голову и замерла.

Лука Рейес флиртует со мной? Он старше меня, ему, наверное, чуть больше сорока. Я вспомнила, как мы с мамой смотрели фильмы с его участием, когда я была еще подростком. Она была без ума от него, и его красота за эти годы нисколечко не изменилась. Он выглядел даже лучше, более изысканно. И эта сексуальная нотка в его голосе завораживала.

— Итак, мисс...

— Шоу. Эм, Доктор Шоу.

— Доктор? — он приподнял брови и кивнул. — Что же вы практикуете?

— Психиатрию, — мой бокал слегка дрожал в руке. Я что, испытываю благоговение перед знаменитостью?

— В самом деле? — он усмехнулся. — И вы здесь с Ксандером Пирсом?

— Ага... Да, с ним, — Боже мой, у этого человека просто грандиозная харизма. Его темные волнистые волосы поражали, а кожа оливкового цвета создавала впечатление, что он постоянно загорелый.

— Вам не кажется, что вы немного не его тип? — он задумчиво склонил голову.

— Откуда вы знаете, какой у него тип? — я была и раздражена, и одновременно заинтригована.

— Ну, это обычно миленькие поклонницы, которых хватает на неделю. А вы не похожи на поклонницу, — он улыбнулся.

— Нет... Нет, я не его поклонница. Просто очень хороший друг.

Почему я назвала Ксандера просто своим другом? Наверное, все-таки потому, что немного благоговею перед звездой.

— Я не слишком много себе позволю, если спрошу ваше имя?

— Эйвери, — я сделала маленький глоток своего мартини.

— Итак, доктор Эйвери Шоу, я хотел бы пригласить вас на ужин, если вы согласитесь.

Оxxx....

— Это очень мило с вашей стороны, но...

— Она недоступна, Рейес, — Ксандер незаметно подошел сбоку от меня и положил

руку на небольшой открытый участок на моей спине — собственническое движение, которое не осталось незамеченным Лукой.

— Если они с тобой, то они всегда доступны, Ксандер, — он улыбнулся, слегка наклонив голову, и исчез в толпе.

Ксандер одной рукой обнял меня за талию, впившись пальцами мне в бок. Затем он немного наклонился.

— Мы уходим. Немедленно, — прошипел он мне в ухо.

Он повел меня к выходу, останавливаясь на короткое время только для того, чтобы попрощаться.

Лишь Маркусу он уделил больше времени, обменявшись с ним несколькими словами. Выражение его лица оставалось нейтральным весь наш путь к выходу.

В лимузине он сидел напротив меня, но смотрел в окно. Локтем он оперся о подлокотник и потирал подбородок большим и указательным пальцами. Я даже не пыталась заговорить с ним. По его напряженным мышцам челюсти и полной тишине в машине я поняла, что он был зол. Так продолжалось всю дорогу и поездку на лифте. Но как только мы вошли в квартиру, затишье закончилось и последовал шторм.

— Что, блядь, это было? — заорал Ксандер, с силой захлопнув дверь.

— Что ты имеешь в виду?

— Не разыгрывай дурочку. Мы оба знаем, что ты слишком умна, и нет смысла притворяться.

Я вздохнула.

— Мы просто говорили.

— Серьезно? И о чем же ты говорила с ним? О его фильмах? Или может быть, вы говорили о том, что мы просто друзья, — его свирепый взгляд прожигал меня насквозь.

Я ошарашенно смотрела на него. Откуда он знает, что я сказала? Как долго он стоял там?

— Ага, Маркус подслушал ваш разговор.

— Ну, само собой, это был он.

У грабаного Маркуса Уайлдера везде были глаза и уши, в том числе и в наших интимных моментах.

— Это был абсолютно безобидный разговор.

— Знаешь, чего я не понимаю? — он сократил расстояние между нами, гневно уставившись на меня. — Когда ты встретила меня, ты и понятия не имела о том, кто я. Но как только ты появилась на вечеринке, у тебя глазки загорелись при виде чертова Луки Рейеса!

— Ксандер! Успокойся, ладно? Флиртовал ли он со мной? Да. Но это было совершенно невинно. И ты не можешь сходить с ума от каждого замечания твоих друзей, потому что мы еще не определились, что происходит между нами, — я взмахнула рукой, указав на расстояние между нами. Мы стояли очень близко друг к другу, но он сделал шаг назад и уставился на меня.

— Теперь ты захотела определенности? Хорошо, мы можем поиграть в словарь Вебстера, только версии Ксандера. Когда я два с половиной месяца вставляю свой член в одну женщину, значит, она моя любовница. Когда я заставляю ее стонать в постели, а затем держу ее в своих объятиях, пока она не заснёт, — она моя девушка. А когда я трахаю её

настолько мощно, что она кричит и вонзается своим ногтями мне в спину, принимая в свое тело мою сперму, — она принадлежит мне. И я не веду себя красиво, когда единственное, что имеет для меня значение, находится под угрозой. Так что держись, нахрен, подальше от Луки Рейеса. Он хочет тебя трахнуть.

— Он просто пригласил меня поужинать. И я никогда бы не согласилась на это.

Он развел руками от раздражения.

— Таким образом, он сможет впоследствии трахнуть тебя. Я знаю, как он работает. Я был таким же.

— А теперь ты стал другим человеком? — я посмотрела на него.

— Если бы ты знала меня прежнего... — он фыркнул и посмотрел мне в глаза. — Ты понятия не имеешь...

— И не хочу.

— А я не хочу, чтобы Лука ошивался возле тебя. Он думает, что все это игра, что он соревнуется со мной, чтобы посмотреть, чей член больше. Мы постоянно так делали. Но он не понимает, что то, что между мной и тобой, — это по-настоящему. И мне на самом деле плевать, действительно ли у него член размером с Годзиллу или нет, потому что я трахаю тебя, и то, что между нами, выходит за рамки простых физических взаимоотношений. И я знаю, что каждое мое прикосновение отзывается глубоко внутри тебя, Мне известно это, потому что ты заставляешь меня чувствовать то же самое. Так что, если ты думаешь, что я позволю ему получить хотя бы кусочек этого, то ему придется сначала убить меня.

Я знаю, даже если никто из нас не произнес этого вслух, это переросло в любовь. Безумную любовь, которая побуждает Ксандера ревновать. Он предупредил меня, что идет по этому пути, но я должна была все же увидеть это его безумие.

Я протянула руку и провела ею по его волосам.

— Тебе не стоит так сильно волноваться на этот счет. Я твоя, — наклонившись, я поцеловала его. — И я никуда не денусь.

Его глаза оставались темными от гнева, когда он взял меня за руку и повел в свою спальню, по пути скинув пиджак и расстегнув ремень. Шторм внутри него не успокоился. В воздухе между нами повисли слова, которые он не хотел говорить. И он хотел вытрахать все свои эмоции в меня.

Пока я не заставлю его признаться в них.

Ксандер

Сегодня я погряз в своем дерьме. Между мной и Лукой всегда существовала негласная конкуренция, когда дело доходило до женщин, которых мы трахали. Меня никогда не волновало, спал ли он с женщиной, с которой был я, или нет, пока не увидел, что он пытается соблазнить Эйвери. Ярость от ревности была настолько ощутимой, что почти душила меня своей силой. И пока я смотрел на Эйвери, лежащую подо мной, голую и распростертую, подобно жертве, я чувствовал, как спокойствие возвращается в мою жизнь.

Я сел, согнув колени, и подтянул ее за талию, разместив между своими раздвинутыми ногами. Она приподняла бедра, и как только я расположил свой член у ее входа, она опустилась на него. Она уперлась руками в изголовье кровати. Спина Эйвери выгнулась, ее бедра находились над моими, а попка терлась о мои яйца каждый раз, когда она вращала или

раскачивалась, принимая то наслаждение, которое я ей дарил... Я старался держать себя в руках. Зрелище, когда она трахает себя мной, было достаточным, чтобы подвести меня к краю, даже без лишних движений, но я сдерживался. Пытаясь не концентрироваться на том, насколько она чертовски тугая и мокрая, или на том, как пылко и сексуально она смотрит на меня.

Он ахала и стонала, когда вращала своим телом, объезжая мой член в погоне за своим оргазмом. Я отклонился еще сильнее, удерживая ее ладонями и позволяя ей взять больше, мой член проникал глубоко в ее тепло. Я боялся, что кончу раньше, чем она получит то, над чем так усердно работает. И я не кончу. Если она хочет использовать меня в качестве своего фаллоимитатора весь день, я сдержусь, как бы мне это тяжело ни далось, потому что мне необходимо хотя бы просто наблюдать за тем, насколько это красиво.

Она начала тяжело дышать, ее пальцы впились в мои бедра, когда она начала прерывисто двигаться. Она открыла рот, чтобы закричать, но ее голос прозвучал приглушенно в тот момент, когда её киска сжалась и крепко стиснула меня. Она вздрагивала и тряслась, а я до сих пор не двигался. От одного вида кончающей Эйвери я прихожу в дикое возбуждение.

Когда последняя дрожь прошла сквозь нее, она наклонилась и обняла меня за шею, все еще полностью сидя на моем члене. Она поцеловала меня. Я почувствовал на своих губах ее улыбку, впитывая ее счастье, когда она снова начала двигаться. Я собирался опрокинуть ее на спину и трахнуть ее, но она покачала головой и начала двигаться быстрее верхом на моем члене. Она уперлась своим лбом в мой и смотрела прямо в глаза, когда двигалась вверх-вниз, сжимая мой член своей тугой киской, требуя уступить ей власть надо мной. Мой член пульсировал, а ее киска была настолько мокрой, что мои яйца пропитались ее соками. Я настолько глубоко потерялся в ней, что мои веки отяжелели от сказочного ощущения, которое она вызывала.

— Скажи мне, — сказала она, когда я закрыл глаза, дернув меня за волосы, чтобы привлечь мое внимание. Я посмотрел в ее голубые глаза, мое внимание все еще было сосредоточено на ее движениях вверх-вниз, посылая слишком горячее удовольствие по моему позвоночнику с каждым движением ее бедер.

— Скажи мне, — она потребовала немного настойчивее и громче в этот раз.

Она хотела, чтобы я сделал признание, к которому не готов сейчас.

— Ксандер...

Я был уязвим прямо сейчас, пока трахаюсь. Она была на моих коленях, в это время ее тело принимало меня. В любое другое время я смог бы выкрутиться, но когда она покачивала своими бедрами и смотрела прямо мне в глаза, весь смысл отрицать это пропал. Она хотела, чтобы я признался. Я хотел признаться в этом, а она вырвала это из меня.

— Люблю тебя, — выдавил я. У меня сжалось что-то в груди от этой исповеди.

Она улыбнулась, немного сместилась и начала трахать меня так сильно, что мой взор затуманился, голова откинулась назад, и сумасшедшая волна удовольствия прошла по всему телу, вырвалась мощным взрывом спермы глубоко в тугую, изголодавшуюся киску Эйвери.

— Блядь! Блядь! Блядь! — я повторял это от почти болезненного оргазма, который,

казалось, вытащил из меня всю мою душу.

Мы оба тяжело дышали. Эйвери прижалась к моему телу, ее руки крепко обнимали меня за шею, пока она покрывала мое лицо и шею поцелуями.

— Что это было?

Она засмеялась так, будто я пошутил, но я действительно хотел знать, как ей удалось выжать из меня столько наслаждения. Она подвигала бедрами. Я со свистом втянул воздух и положил руки ей на бедра, успокаивая, потому что чувствовал, что ее киска все еще пыталась вытянуть из меня что-то, но я был стопроцентно уверен в том, что она уже и так полностью высушила меня и ничего не осталось.

Она посмотрела на меня, поцеловала и сказала:

— Это была любовь.

— Это меня до смерти пугает.

— Я знаю, что вынудила тебя сказать это, но мне было настолько приятно это слышать, даже если тебе пришлось солгать.

— Это не было ложью.

Это на самом деле так — то, что между нами. Я лгу ей только о том, что не хочу, чтобы она когда-либо узнала. Но любовь к ней никогда не была ложью. Если я и собирался упасть в пропасть, я был чертовски уверен, что заберу ее с собой.

— А какова твоя правда? — спросил я, потому что мне тоже было просто необходимо услышать это.

Она пробежалась пальчиками по моим волосам, массируя кожу головы. Она наклонилась, ее губы слегка прижались к моим, и она сказала:

— Ты — моя правда, — Эйвери поцеловала меня и целовала до тех пор, пока я не начал задыхаться. Потом она посмотрела на меня своими голубыми глазами и прошептала:

— Я люблю тебя, Ксан.

Дерьмо... Я зажмурился, впитывая ее слова. Сорвавшееся с ее губ имя, которым меня называл отец, было больно слышать вновь, это чуть не заставило меня заплакать. И в этот момент я понял, что она владела мной. Всецело.

Глава 14

«Зависимость»

Ксандер

В дверь продолжали звонить. Я взял телефон и посмотрел на время. Три часа ночи. Только два человека могли прийти сюда в такое время, и у Маркуса был ключ. Я нехотя вылез из постели, надел шорты прежде, чем покинуть спальню, и открыл дверь.

— Что тебе нужно, Вероника? — спросил я, специально прислонившись к косяку так, чтобы она не смогла войти.

На ней были узкие черные джинсы, желтый топик, который еле прикрывал грудь, и огромные солнцезащитные очки, и это при том, что снаружи было темно.

— Что происходит, Ксандер? Ты вернулся и даже не позвонил мне? — она приподняла свои очки на лоб. Темные стекла скрывали расширенные зрачки и утомленность ее серых глаз. *Она под кайфом.*

Значит, от нее будет труднее избавиться. Она толкнула дверь и уставилась на меня, когда я не позволил ей открыть дверь полностью и войти внутрь.

— Ксандер...

Я вздохнул, сделал шаг назад и впустил ее.

— Кого ты трахаешь? — спросила она, проходя мимо меня. — А, неважно. Теперь я здесь, и ты можешь избавиться от нее, Ксандер.

Эйвери вышла из спальни. Она встала на противоположной стороне комнаты, глядя на Веронику. Она посмотрела на меня с отвращением, а потом снова перевела взгляд на нее.

— Она моя девушка.

— Что? Что с тобой, нахрен, такое? Я думала, что ты трезв, — Вероника сузила глаза переводя взгляд с меня на Эйвери.

— Я — да, а вот ты, очевидно, нет, поэтому я вызову тебе такси.

Я бы мог позволить ей остаться, потому что я чувствовал, как ей плохо. Когда-то мы вместе лежали в реабилитационном центре, наши привычки подпитывали друг друга. Она всегда была под кайфом, а я всегда был пьян, и мы смешивали это состояние с сексом. Но ситуация вышла из-под контроля. Я устал от этой зависимости, которая всегда только топила меня в моих же проблемах.

Вероника никогда ничего хорошего не предвещала для моей трезвости и никогда не будет. Вскоре, после выписки из реабилитационного центра, она вернулась к старым привычкам. И тогда я понял, что пришло время разорвать наши отношения.

— Ксандер... Ты мне нужен, — надула она губки.

— А что случилось с Ником?

Вероника имела обыкновение приходить ко мне и раздвигать передо мной ноги, когда с одним из ее бойфендов этого не получалось. И думаю, именно этим я ее и испортил, потому что я никогда ей не отказывал.

Она закатила глаза.

— Он мудака.

— Как и я, — безразлично ответил я.

— Агааа, но ты моя слабость. И если я не могу прийти к тебе, то куда же мне тогда идти? — она нахмурилась.

— Домой. Спать, — я поднял трубку и попросил швейцара вызвать такси. Эйвери развернулась и ушла обратно в спальню, а я пошел проводить Веронику.

В лифте она зажала меня в углу, обняв руками, и прижалась губами к моей шее. Я положил руки ей на бедра и оттолкнул ее.

— Ты использовал меня для забавы, — захныкала она.

— Да, нам было весело, но что забавного в том, что я был всегда пьян и наши отношения были не более чем иллюзией.

Она скрестила руки перед грудью и, прислонившись к стене, молча стояла, пока двери лифта не открылись.

— Спокойной ночи, Ксандер. Не беги ко мне, когда она пошлет тебя.

Я удерживал двери лифта открытыми, чтобы убедиться, что она выйдет из здания и сядет в машину. Только потом я позволил им закрыться.

Вернувшись к себе, я разделся и вернулся в постель к Эйвери. Она тут же оседлала меня и нахмурилась.

— Итак, Вероника — это?..

— Друг.

— С привилегиями? — она подняла бровь.

Я кивнул. У Вероники была роль в кино, которое я снимал четыре года назад. Между нами не было никаких чувств. Я перечеркнул эту зависимость сразу после реабилитации и не собирался никогда больше к этому возвращаться.

Раньше, если не было Вероники, то были другие случайные женщины для секса, которых я даже с трудом вспоминал на следующее утро. Секс с такими женщинами казался идеальным вариантом. Это занимало меня на какое-то время, но потом мне снова становилось плохо. Но с Эйвери такого не было. Даже если она не находилась со мной в одном помещении, я все равно не чувствовал себя напряженно.

Эйвери наклонилась и прищурилась:

— Что? — спросил я.

Она повернула мою голову в сторону и придвинулась ближе.

— У тебя помада на шее.

Я попытался отстраниться, повернув голову и вытянув шею, но она не позволила, сильно дернув меня за волосы и удерживая мою голову под нужным ей углом. Резкая боль и волевое движение фактически возбудили меня. *Больной убудок!* У меня неприятности, но все, о чем я могу думать, это о жестких играх.

— Стоит ли мне отправиться за ней? Потому что ты дал мне право собственности на *это*, — она протянула руку и сжала мой член. Сильно.

Снова... меня это завело.

— Она не угроза. Ты держишь всю власть в своих руках.

— Хорошо, — она отпустила мои волосы, вытирая следы от помады.

Теперь, когда она сделала мой член твердым, ей придется позаботиться о нем.

— Значит, ты хочешь поиграть во власть. Я буду нуждаться в тебе и умолять сдвинуть свои трусики и оседлать мой член.

— Ты ненасытный, — она покачала головой, но еле заметная улыбка на ее губах говорила о том, что именно этого она и хотела.

— Только с тобой, — я сжал ее задницу, а затем сказал: — Меньше разговоров, больше траха.

— Я думала, я здесь главная, — она выпрямилась и уперла руки в бока.

— Я позволил тебе так думать. А теперь будь послушной девочкой и скользи своей киской по моему члену.

— Боже, Ксандер.

— Мне стоит отшлепать тебя? — мой тон передал всю серьезность этих слов, поэтому она быстренько переместилась, сдвинула трусики в сторону, расположила мой член у своего входа и села на него с резким вдохом.

Я всегда использовал свою зависимость к сексу и алкоголю, чтобы забыть прошлое. Я отказался от алкоголя и думал, что и от секса, когда перестал использовать случайных женщин.

Но как только киска Эйвери окутывала мой член и вытягивала взрывной оргазм из меня, я терял уверенность в том, что не променял одну зависимость на другую. Моя зависимость от ее тела была очень сильной и быстро крепла. И я знал, что не существует такой клиники, которая смогла бы излечить меня от этого.

Глава 15

«Докопаться до истины»

Ксандер

— Где Эйвери? — с ходу спросил Маркус, когда я ответил на звонок.

— В душе, — я переложил трубку к другому уху, чтобы было удобнее передвигаться по кухне и готовить завтрак.

— Нам нужно поговорить, — скрытая настойчивость в его голосе была необычной.

— Хорошо...

— Встретимся у меня через пятнадцать минут, — потребовал он.

— Мы будем в...

— Нет. Только ты.

Это был наш последний день в ЛА, и мне не очень хотелось оставлять Эйвери в одиночестве.

— Что происходит, Маркус? — я уже начинал беспокоиться.

— Просто приходи. Я буду ждать, — и линия оборвалась.

Я дождался, пока Эйвери выйдет из душа, чтобы предупредить ее, что мне необходимо к Маркусу. Оставив ее завтракать и поцеловав в губы, я ушел. Что бы Маркус ни собирался мне сказать, похоже, это не терпело отлагательств.

Я прошел несколько кварталов до квартиры Маркуса, притворяясь, будто не замечаю папарацци, шпионивших за мной с того момента, как я вышел за дверь. Именно из-за них я не вступал в перепалку с Эйвери этой ночью, пока мы не оказались за стенами дома. Малейшая ссора с ней на вечеринке или за пределами квартиры — и наши имена тут же красовались бы в заголовках. С тех пор как я уехал домой, я уже позабыл, насколько интересны были мои действия для папарацци.

Я открыл дверь в квартиру Маркуса своим ключом и нашел его на кухне, сидящего с мрачным выражением лица и рассматривающего какие-то бумаги.

— Что происходит, Маркус?

Он посмотрел на меня и закрыл папку. Слегка склонив голову, Маркус нервно потянул себя за волосы.

— Сядь, — он указал на стул напротив него за небольшим столиком.

Я сел, ни на секунду не разрывая с ним зрительного контакта. Должно быть, это и правда что-то серьезное. Просто Маркус становился мрачным только в таких случаях.

— Знаешь, я кое-что узнал из прошлого Эйвери для тебя.

— Нет, ты сделал это для себя. Я ведь сказал тебе прекратить поиски.

Он нахмурился.

— Я нашел кое-что очень существенное.

Я провел рукой по волосам, представляя все те вещи, которые могли произойти с Эйвери в ее приемной семье, что заставило ее тщательно скрывать информацию о себе. Я не был уверен, что смогу справиться с этим, но и уйти, не узнав правду, не мог. Маркус поднял папку. Выражение его лица дало понять, что это уникальная информация.

— Что ты узнал?

— Во-первых, я узнал, кто позаботился о ее документах.

— Она из приемной семьи, поэтому я догадался, что это могли сделать они, — пожал я плечами.

Он покачал головой.

— Это был твой отец.

Что?

— Мой отец? Зачем ему это?

То, что Эйвери и моя мама оказались знакомы, было сюрпризом, но она никогда и вида не подавала, что знает моего отца. Серьезно, она и так была слишком напугана тем, что никого и никогда не видела из жизни моей мамы.

— Думаю, что он сделал это, чтобы никто никогда не узнал правду.

— Какую правду, Маркус? Прекрати уже ходить вокруг да около и скажи мне, что, нахрен, в этой папке, — я едва мог усидеть на месте и поэтому ухватился за край стола.

— Разве Эйвери никогда не рассказывала, что случилось с ее родителями?

Я кивнул.

— Рассказывала. Они погибли в автокатастрофе.

— В автокатастрофе, которая произошла темной, дождливой ночью. Твой отец пытался скрыть то, что виновен в ней был его пьяный сын, который сел за руль.

Подождите, нет.

— Нет, нет, нет. Это хрень собачья.

Я встал так резко, что стул опрокинулся назад. *Это дерьмо не происходит со мной на самом деле.* Когда я, не прекращая, повторял это в мыслях, то просыпался от своих кошмаров.

— Мне жаль, Ксандер, но все здесь. Единственное, что Джессика указана, как тот самый пьяный водитель.

Он положил передо мной папку, но я оттолкнул ее. Хотя это не убавит ни на долю правдивости того, что в ней находится. Просто когда я уже думал, что победил своих внутренних демонов, пришел Маркус и разбудил дьявола у меня за спиной.

— Какого хрена! Я сказал тебе прекратить копать! Почему, блядь, в этот раз ты просто, нахрен, не мог послушать меня?

Так просто было взять и выплеснуть на Маркуса весь мой шок и разочарование. Он раскопал дерьмо, которое должно было оставаться похороненным.

— Ксандер, это не моя вина, — он поднял руки ладонями вверх, сдаваясь.

— Нет, не твоя. А моя. Это. Я. Блядь. Все. Испортил.

Я начал ходить взад-вперед. Все вышло из-под контроля. Мой мир сходил со своей оси, а сам я падал в пропасть. Я опустился на другой стул и обеспокоенно посмотрел на Маркуса. Я убил родителей Эйвери. Теперь я *сказал* это. И теперь это было реально. Так же реально, как тот ком эмоций, который угрожал задушить меня. Я не мог поверить, что отнял у нее людей, которые для нее значили *все*.

Я тяжело дышал.

— Я никогда не должен был узнать об этом дерьме. А теперь что мне делать?

— Расскажи ей, — тихо ответил он со страшным спокойствием.

— Ты рехнулся? Я потеряю ее, — в мою грудь закралась паника.

— Значит, ты собираешься притвориться, что в твоих руках нет той огромной части ее прошлого?

Я подумал о том, насколько неправильно это звучало. А затем опустил голову на руки.

— Не знаю. Понятия не имею, что теперь делать.

Мысль о том, что я забрал у нее родителей, съела меня. На протяжении долгих лет я думал о незнакомцах в другой машине, но так и не узнал, кто они. Для меня было слишком тяжело узнать их лица и то, что я разрушил их семью.

Я должен был быть мужиком тогда и сделать то, что хотел, но отец говорил, что я погублю себя. Он был убежден, что я разрушу свою жизнь, а все, чего хотел я, это взять ответственность на себя. Не говоря уже о том, что тогда мой отец баллотировался в сенаторы, и это превратилось бы в семейный скандал. Правосудия не случилось тогда, а теперь я заплачу в десятикратном размере. Потому что, когда Эйвери узнает, это разрушит нашу связь.

— Ты должен сказать ей, Ксандер, — он положил руку мне на плечо и сжал его.

— Тебе легко говорить об этом, когда ты просто сидишь и смотришь на это со стороны. А я жил с этим чувством вины и боли почти двенадцать лет. Я наконец-то нашел того единственного человека, который способен излечить меня от всего этого, а теперь я сам стану для нее ядом.

Я снова положил голову на руки, сделал несколько вдохов, чтобы успокоить сердце, вырывающееся из груди, а затем снова посмотрел на Маркуса. Мои глаза щипало, но я сморгнул накатывающую влагу. Если и есть человек в мире, которому я мог показать свою боль, то это Маркус. Он вытащил меня из ада и даже уговорил обратиться в реабилитационный центр. Но несмотря на это, я не хочу, чтобы он видел, как я ломаюсь. Я не был готов показать боль, которая, подобно кровотечению, вырывается из меня.

Я посмотрел ему в глаза и спросил:

— Как я посмотрю в глаза любимой женщине и скажу, что это я убил ее родителей? — я шмыгнул носом, пытаюсь побороть удушающие и подавляющие меня эмоции. — Как, Маркус? Как?

Я потер лицо ладонью, а Маркус похлопал меня по спине.

— Я не знаю. Что бы ты ни решил, знай: я с тобой. Ты хороший человек, Ксандер. Просто ты совершил огромную ошибку, которую не в состоянии искупить. Не позволяй этому разрушить тебя.

— Я никогда не заслуживал счастья. Я понимал и знал это, но все равно украл его. Эти страдания будут наказанием мне на протяжении всей жизни.

Глава 16

«Отчаянные меры»

Эйвери

Ксандер вернулся со встречи с Маркусом в странном настроении. Его взгляд был каким-то отрешенным, а покрывшиеся пеленой зеленые глаза теперь казались холодными и печальными.

— Ты в порядке? — я прикоснулась к его лицу, и он вздрогнул, будто только что заметил меня. Он протянул руку и заправил волосы мне за ухо, внимательно рассматривая мое лицо.

— Ксандер?

— Все в порядке. Просто... — он нахмурился, очерчивая пальцем контур моих губ.

— Просто что?

Он посмотрел на меня тем же взглядом, который был у него тогда, когда он рассказал мне правду о Джессике. Выглядел он как человек, у которого слишком много мыслей в голове. А я просто хотела, чтобы он знал, что не должен колебаться в отношении меня. Я хотела разделить его ношу. И попробовать найти способ, чтобы ему было легче с этим

справиться.

— Ничего, — он подвинул меня ближе к себе и крепко обнял. — Просто я люблю тебя. Ты же это знаешь, верно?

Я подняла голову и посмотрела на него.

— Знаю.

Я протянула руку и, обхватив его лицо пальцами, приблизила его для поцелуя. Он втянул воздух. Когда наши губы соприкоснулись, напряженность, сковавшая его плечи, ослабла.

Что-то случилось. Не знаю, что именно, но он странно себя ведет, с тех пор как вернулся от Маркуса. Он как-то по-иному обнимал меня, отчаянно целуя. Вернувшись, Ксандер набросился на меня с такой напряженностью, которой я раньше, находясь рядом с ним, не чувствовала, — которая, тем не менее, вознесла меня до небес.

Я начала отклоняться назад, прерывая поцелуй, но его губы последовали за моими, не позволив разорвать контакт. Его губы и язык двигались яростно, поглощая меня.

Он прервал поцелуй лишь для того, чтобы стянуть мою рубашку. Я попыталась посмотреть ему в глаза, но они были опущены, будто он, Ксандер, специально избегал зрительного контакта со мной. Он раздел меня и подтолкнул назад, вынуждая лечь на спину. Его член уперся в мое бедро, когда губы сомкнулись на моем соске.

Он грубыми и собственническими движениями рук гладил мою кожу. Он исследовал мое тело так, будто делал это в последний раз. Он не говорил непристойностей как обычно, и не было никакой игривости в его действиях. Он был полон серьезности. Он был полностью сосредоточен на моем теле, каждую частичку которого он облизывал и сосал. И я принимала все, падая в его темную бездну. Желание стремительно росло, особенно после того, как он проник в меня двумя пальцами и начал медленно поглаживать у меня внутри.

Я обнаружила, что он наблюдает за мной, извивающейся в такт его движениями, но его взгляд был пустым. Будто он видеокамера, которая записывает этот момент и сохраняет его в своей памяти.

— Ксандер, — выдохнула я. Он моргнул, и на короткое время его взгляд встретился с моим, — ты в порядке?

Он молча смотрел на меня, пока его палец находился все еще глубоко во мне, а большой палец кружил по клитору.

Он кивнул, убрал руки и стянул свои джинсы чуть ниже бедер. Казалось, я его вырвала из оцепенения, и его вдруг настигла вся срочность сделать это. Он развел мои ноги и расположил головку члена у моего входа. Наконец-то он посмотрел на меня пристальным взглядом, после чего погрузился глубоко в меня. Как и всегда, дыхание перехватило и мгновенная волна удовольствия затопила тело. Он заключил меня в объятия, оперевшись локтями по обе стороны. Обхватил мое лицо руками и сказал:

— Пока у меня есть ты — все просто идеально.

Я обняла его одной рукой за плечи.

— Я никуда не уйду.

Он обнял меня, прижимая теснее к себе, уткнулся лицом в изгиб моей шеи и начал восхитительно медленно двигаться во мне. Я чувствовала его повсюду — внутри и снаружи. Его кожу, тесно прижимающуюся к моей. Его дыхание на моей шее. Его член, ласкающий меня глубоко внутри. Я находилась в коконе его любви. Еще ни разу он меня так не трахал. Это был эмоциональный, всепоглощающий акт занятия любовью.

Он двигался в ритме, который посылаю обжигающую жару в мою кровь. Я покрылась испариной. Он тоже. Мы были обернуты коконом пылкой любви и на грани взрыва.

Я провела рукой вверх-вниз по его спине. Потом зарылась пальцами в его волосы и сжала их в кулаке. Он зарычал мне в ухо, тем самым одобряя мои действия, поднял голову, и наши взгляды встретились. Он начал двигаться быстрее, зеленая радужка открывала его душу. И я первый раз увидела, как его защита пала. Там было столько эмоций, что, когда он толкнулся своим членом глубже, задев комочек нервов внутри меня, я взорвалась в оргазме, который затопил мое сердце, тело и вызвал слезы на глазах.

Он зашипел, когда моя киска сжалась вокруг его члена. Взгляд наконец наполнился тем самым похотливым блаженством. Ксандер поцеловал меня. Его язык погружался в мой рот так, будто он испивал сладкие звуки, которые я издавала. Спустя три резких и неистовых толчка он присоединился ко мне, прерывисто дыша и издавая стоны в мои губы. Вибрация этих звуков была самой приятной вещью, которая касалась моих губ.

Ксандер лег на меня сверху, обмякнув, бормоча мне в ухо бессвязные слова. Каждый раз, когда мы были вместе, это было похоже на столкновение эмоций и физических потребностей, которое заканчивалось постелью.

Он посмотрел на меня, когда его дыхание выровнялось. Большим пальцем вытерев мои слезы, он положил его в рот и засосал. Я заморожено наблюдала за его движением. Это были слезы любви. И то, как он принял этот символ любви и продегустировал его, заставило мое сердце преисполниться радостью. В то же время капля страха все еще оставалась. Только этот человек сможет разрушить меня. Человек, который до краев наполнил меня, во всех смыслах этого слова.

Его мир был больше, чем я думала. И он удерживал его с большим упорством. Он был альфой и омегой для миллиона людей, но в данный момент я была его началом и концом. Еле заметный проблеск уязвимости в его взгляде пробудил во мне желание быть его всем. Стать тем единственным человеком, который спасет его. Человеком, который победит демонов в его голове.

Мы стремительно становились слишком зависимыми друг от друга. И то, что мы обладали такой слабостью, могло разрушить нас обоих.

Ксандер

Мы практически не спали. Я был ненасытен в желании сохранить в памяти каждую ее частичку. Я трахал ее всю ночь, поспал с час и снова поймел ее. Она, должно быть, поняла, что что-то не так. Но виду не подала.

Я раскачивался внутри нее, толкаясь членом. Она провела ногтями по моей спине, когда кончала, с растрепанными волосами и остекленевшими глазами. Она утянула меня за собой, вытягивая из меня оргазм, контролируя. То, что она заставила меня почувствовать, было *всем*.

Понимал ли я, что рисковал всем этим? Да, но перспектива того, что я потеряю ее, была хуже. Я выигрывал время, чтобы показать, насколько нам хорошо вместе — время, чтобы сделать ее любовь ко мне сильнее — потому что это была та самая надежда, за которую я цеплялся.

Я бы хотел остаться в этом трансоподобном пузыре, в котором не было никого, кроме нас двоих. Когда она была рядом, во мне пробуждалась уязвимость. То, что я скрывал на

протяжении долгих лет. То, что может сломать меня и превратить мои кошмары в еще больший ад. Это была моя слабость. Она была моей слабостью. И я нуждался в ней.

Я знал, что вернуть себя прежнего, будет уже невозможно. Я был потерян в ней. И если она узнает, что я сделал — чего я ей стоил — она исчезнет вместе с моим сердцем.

Я скатился с нее, а она повернулась на бок и уставилась на меня сверху вниз.

— Что? — спросил я, пока пытался отдышаться.

Она смотрела на меня так, будто я сошел с ума.

— Сколько раз мы сделали это?

Я пожал плечами. *Пять. Шесть.* Я сбился со счета, когда мои яйца начали болеть. И от того, сколько раз я кончал.

— Ты, нахрен, ненормальный, — объявила она голосом, наполненным страхом.

— Я думал, ты это поняла еще тогда, когда я обратился за помощью к *психиатру*.

Она хихикнула и опустила голову на мою грудь. Я обнимал ее не меньше получаса, прежде чем мы вылезли из постели.

Мы спали, ели, упаковывали вещи. Поздним вечером воскресенья мы сели в самолет и отправились домой. В место, где теперь собралось еще больше моих призраков.

Мы заняли свои места в первом классе, и пока взлетали, я смотрел в окно. Мне бы хотелось нормально поговорить с ней, не рассказывая правды, но я был сам себе противен. Стыдясь того, каким эгоистичным и слабым я был.

Когда мой папа тем днем приехал на место происшествия и договорился насчет меня с офицерами, я должен был остановить его. Отец тогда был мэром, который собирается сесть в кресло сенатора, офицеры были дружелюбно настроены, поэтому все быстро уладилось. Теперь этот старый ковер стал изношенным, и вся пыль с него начала витать в воздухе.

— Ты когда-нибудь задумывалась, почему хорошие люди лгут, чтобы защитить других? — спросил я у Эйвери, пока смотрел, как самолет отрывается от земли.

— Я не задумывалась, Ксандер. Моя работа — понимать это. Ложь не всегда является такой, какой кажется.

— Значит, не вся ложь плоха? — я повернулся ней лицом.

— Вся ложь является некой необходимостью, Ксандер. Причины этой лжи оправдывают и делают ее сносной, — она прищурилась.

Я отвернулся, спокойно глядя на спинку сиденья перед собой. Спустя какое-то время она спросила:

— Мы говорим о моей лжи тебе? Или о твоей мне?

— А это имеет значение? — пробубнил я, слишком погруженный в свои мысли, чтобы понять, что именно она имела в виду.

— Имеет. Потому что, если ты лжешь мне, то все доверие, которое мы выстроили как пациент и врач, разрушится.

Я держал голову прямо. Она протянула руку и повернула мою голову к себе, удерживая рукой за подбородок и заставляя встретиться глазами с ее вопрошающим взглядом.

— Есть то, что ты не хочешь рассказывать?

Я убил твоих родителей.

Разрушил твою жизнь.

Я стал причиной той брони, которая у тебя появилась.

Я стал причиной того, что тебе сложно полюбить.

Но сказал я это только мысленно, и все это казалось неправильным. Все это казалось

катализатором нашего финала. Было бы намного проще простить мою глупость, если бы она не была связана с преступлением. Как-то я сказал ей, что стану человеком, который изменит ее жизнь, и она будет ненавидеть меня, но я смог бы с этим жить. В итоге вместо того, чтобы использовать возможность изменить все и рискнуть, я решил не делать этого и сохранить мое сердце в целости.

Я покачал головой, потому что не мог заставить себя произнести ложь вслух.

— Не ври мне, — она посмотрела на меня своими пронизательными, требовательными глазами.

— У нас все в порядке. Просто мой папа кое-что сделал для меня.

Кое-что, что я делаю для тебя. Лгу, чтобы защитить тебя — защитить нас. Я не был готов погубить нас, и я не хочу правдой уничтожить ее. Поэтому, если мне придется лгать ей, чтобы сделать нас счастливыми, значит, я просто должен быть готов к еще одному чувству вины, которое буду волочить за собой.

Конец второй книги

Больше книг на сайте — Knigolub.net